

Серая Сова

**ЗАГАДКИ ОПУСТЕВШЕЙ ХИЖИНЫ
СБОРНИК РАССКАЗОВ
САДЖО И ЕЕ БОБРЫ**

КЛАССИКА
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Серая Сова
Загадки опустевшей
хижины. Саджо и ее бобры
Серия «Классика
приключенческого романа»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28512733

Загадки опустевшей хижины. Саджо и ее бобры: Мир книги,

Литература; М.; 2010

ISBN 978-5-486-03639-2

Аннотация

Серая Сова (наст. имя Джордж Снэнсфелд Белани; 1888–1938) – канадский писатель, большую часть жизни провел среди индейцев. Родом из Англии, он в 18-летнем возрасте уехал в Канаду, где женился на индианке и стал называть себя индейцем, приняв индейское имя Серая Сова. Был лесником и охотником-траппером в Онтарио. Писать начал в 1925 году. Сначала из-под его пера выходили статьи и очерки, затем появились рассказы и повести, которые Серая Сова иллюстрировал собственными рисунками. Он много путешествовал по миру с лекциями, агитируя за охрану природы.

В этом томе публикуются два произведения Серой Совы. Первое, «Загадки опустевшей хижины», рассказывает о любви к дикой природе и проникнута глубоким беспокойством за ее судьбу. В центре повести «Саджо и ее бобры» отважные дети индейского охотника-зверолова, получившие в подарок от отца двух заблудившихся бобрят. Но одного из этих зверьков увозит белый торговец в счет уплаты долга. В поисках своего любимца дети отправляются через девственный лес, с необычайным мужеством и находчивостью преодолевают множество препятствий и в конце концов находят бобренка.

Содержание

Загадки опустевшей хижины	6
Опустевшая хижина	8
Сыновья Ки-уэй-кено	16
Один день в Тайном городе	24
Сосна	39
Прощание	74
Одинокий лось	84
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Серая Сова
Загадки опустевшей
хижины. Саджо и ее бобры

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление,
2010

© ООО «РИЦ Литература», 2010

Загадки опустевшей хижины

*Посвящается
людям последней
ИНДЕЙСКОЙ ГРАНИЦЫ
и всем, кто прочтет эти рассказы
с сочувствием и пониманием.
И особенно тем,
чьи сердца рвутся на свободные просторы,
но кто волею судьбы
лишен радостей жизни среди
ДИКОЙ ПРИРОДЫ
и только со страниц книги узнает о ее чудесах.*



Человек сидит перед гаснувшим открытым очагом весь во власти воспоминаний, и картины прошлого оживают перед ним, как мерцающие огоньки.

Кольца дыма от его трубки движутся, словно артисты на сцене.

Вот человек начинает говорить. Он говорит медленно, вдумчиво, часто делает паузы, как будто прислушивается к слабому эху своей памяти.

И вдруг в памяти оживает звук, тихий, грустный, стонущий.

Звук становится все громче и громче, пока не превращается в рыдания, разразившиеся под гнетом столетий несправедливости; потом звук постепенно стихает, и лишь время от времени доносятся всхлипывания, словно удаляющееся эхо, пока не наступит тишина.

И когда эти томительные звуки умирают, замолкают наконец, человек снова продолжает свои «Загадки опустевшей хижины».

Огонь разгорается, потом гаснет.

Неверные тени прошлого дрожат и скользят взад и вперед.

Человек продолжает свой рассказ.

Опустевшая хижина



И маленькая опустевшая хижина вдруг преобразилась и снова стала зачарованным замком, где было столько мечтаний и грез. И теперь она уже не была кучей бревен и реликвий, она ожила в памяти во всей своей трепещущей красе.

Она уже не была больше покинутой и печальной, дорогие образы прошлого населили ее.

Среди холмов, устремившихся в туманную даль на Север, в глубокой ложбине прячется маленькое безымянное озеро.

Едва ли можно назвать красивым этот узкий обмелевший пруд, где убывающая вода оставила лишь болота, поросшие камышом, да острые верхушки скал, когда-то погруженные в воду, а теперь обнаженные, почерневшие, словно заброшенные памятники давно забытого кладбища.

От берега этого маленького озера вьется едва заметная тропинка, на которую давно не ступала нога человека. Тропа загромождена поваленными бурей деревьями. Она приводит к берегу большого озера, которое впадает в реку; множество речек и ручейков, устремившихся с Великого Водораздела,

несут свои воды в эту реку.

Озера и реки тянутся непрерывной цепью все дальше и дальше на Север и наконец огромным бурлящим потоком впадают в Северный Ледовитый океан.

На берегу этого сумрачного полувисохшего пруда, который в былые времена был настоящим озером, виднеется старая заброшенная плотина – памятник трудолюбию и терпению ее строителей. Стена плотины возвышается на четыре фута над теперешним уровнем воды пруда; через полузавалившееся отверстие ее арки протекает маленький журчащий ручеек, и чудится, будто он бормочет, словно человек в полусне, но разобрать, что он лепечет, невозможно.

Всюду вокруг видны старые сооружения, построенные очень прочно и разумно, но ни одно из них не было делом рук человека.

Из леса спускаются к озеру и идут вдоль берега старые, заброшенные тропы давно покинутой бобровой колонии, отлично спланированной, прекрасно выстроенной, сохранившейся до сих пор своеобразную архитектуру (несмотря на разрушительное действие времени), – лучшее доказательство мастерства и труда.

В том месте в лесу, откуда начинаются эти тропы, видны пни – множество пней, и на них все еще заметны следы зубов четвероногих дровосеков. Неподалеку стоит заброшенная бобровая хатка, ее хозяев давно уже нет на свете. Она стоит высоко над уровнем высохшего пруда, ее потай-

ной вход открыт для хищников; стены хатки, когда-то отлично заштукатуренные, теперь поросли травой и побегими ивы. И все-таки она еще прочна и выстоит много лет – немой и печальный свидетель удивительного трудолюбия ее строителей. Напротив бобровой хатки темнеет сосновый бор. Огромные сосны, настоящие великаны, – редкие деревья в этих краях. Наверное, потому они и кажутся такими гордыми и безупречно красивыми. Среди сосен там и сям белеют стволы березок. Тоненькие и стройные, они кажутся высокими деревьями, хотя их ярко-зеленые вершины, устремленные к живительному солнечному свету, едва лишь достигают нижних веток гигантских сосен. В тени этой рощи стоит маленькая бревенчатая хижина – единственное свидетельство пребывания здесь человека.

Она стоит покинутая и печальная. Мох, которым были законопачены щели между бревнами, давно уже растрепался, вывалился, двери настежь открыты, а выбитые окна беспомощно глядят вдаль. Даже в свои лучшие дни это было скромное жилище, хотя труда и забот было вложено очень много, чтобы его построить и создать уют. Следы простенького орнамента, не лишённого художественного вкуса, до сих пор заметны то тут, то там.

Было здесь и радостно, и весело. Взгляните, и вы увидите в углу маленькую засохшую елочку, заметите на побуревших ее ветках концы тесьмы, которой когда-то были привязаны игрушки. Опустевшая, покинутая хижина теперь обречена

на медленное разрушение. А когда-то, в незабываемые дни здесь ключом была жизнь, полная исканий и надежд. Это был дом, где жили не только люди, о чем рассказывают вещи; вот там, у развалившейся койки, видно сооружение из палок и высохшей глины: нетрудно догадаться, что здесь поработали бобры, строившие себе хатку над прудом.

Эта скромная обитель была когда-то знаменитым местом; многие обитатели леса стали друзьями хозяина хижины. Некоторые из них переступали порог и чувствовали себя как дома. Другие собирались вокруг хижины, инстинктивно понимая, что никто не обидит их здесь. Они приходили то небольшими стайками, парами, то поодиночке. Здесь можно было видеть крупных зверей и маленьких. Здесь каждый был желанным гостем, выступал на этой скромной сцене, сказал свое слово, сыграл свою роль и внес свою лепту в историю этого уголка земли.

Роща знала их всех, и знала хорошо. Но огромные вековые сосны, казалось, смотрели равнодушно на землю, покачивая своими гордыми перистыми вершинами, и, кто знает, быть может, совсем не замечали маленьких созданий, которые на такое короткое время поселились у их подножия.

Уже давно опустела хижина и стоит такая молчаливая и тихая.

Но чудится, будто она живет своей особенной, загадочной жизнью, будто тени населяют ее, и, словно эхо далекого прошлого, порою вдруг звучит томительный, нежный аккорд...

Он все звучит, дрожит в воздухе, хотя никого уже нет.

От набежавшего ветерка трепещут листья высоких и стройных березок. Как тоненькие девушки, застенчивые и скромные, стоят они врассыпную среди высокомерных, строгих сосен и все кивают вершинами, шелестят листьями, словно шепчутся между собой. Своими устремленными вверх ветками, словно поднятыми руками, как Шахерезада, просят они пощады, боясь зачахнуть и погибнуть без живительных солнечных лучей в темном бору. И чудится, будто они шепчут соснам, своей мрачной охране: «ЗА-ГАД-КИ ОПУС-ТЕВ-ШЕЙ ХИ-ЖИ-НЫ».

Происшествия и события, описанные в этих рассказах, произошли в разных местах, местах, отдаленных друг от друга большими расстояниями. Я рассказывал их в зимнюю стужу своей молодой жене Анахарео, когда мы сидели перед открытым очагом и любовались, как разгорались и меркли угли. Перед глазами у нас вставали целые картины и лица; маленькие существа, казалось, бродили по этой освещенной пламенем аудитории. Они будили воспоминания давно минувших дней или же недавнего прошлого. Все эти рассказы березки слышали и, конечно, запомнили.

Здесь многое происходило. Люди и звери, и те, кто жил здесь, и те, кто гостил или же заходил мимоходом, оставили след своего дела, мысли, слова, и ничто из этого не потеряно, не забыто. Все радости и горести, комедии и трагедии, труд и достижения, которыми была заполнена здесь жизнь, – все

это оставило неизгладимый след в памяти древних холмов, сохранилось в рассказах, превратилось в легенды, воспоминания. Но эти воспоминания не померкнут, пока трепещущие березки передают их шепотом, и сосны, суровые часовые, посланники Скалистых гор, стоят и охраняют их всех.

Они родились, эти незабываемые рассказы и легенды, на крыльях стремительного ветра, скользящего по вершинам деревьев, они живут в тундре среди болот, заросших камышами, они отражаются в зеркале прудов, и все повторяются и повторяются в неясном бормотании ручейка, в миллиардах голосов Дикой Природы, которые никогда не умолкнут.

Герои этих рассказов – люди, четвероногие и крылатые существа – никогда совсем не исчезнут; еще долго после того, как их слова и дела превратятся в легенду, они будут мерещиться в долине, полной воспоминаний; они никогда не покинут тихого озера, разрушенную плотину, бобровый дом и опустевшую хижину в лесу, где были радости, горе, мечты.

Быть может, тому, кто случайно очутится в этих местах в ожидании рассвета, вдруг почудится в сумерках, что темное тельце плывет в направлении к покинутой бобровой хатке, оставляя за собой расширяющийся след по воде; а может быть, до человека долетит эхо протяжного, жалобного крика. Или же ему почудится, что в туманной дали проскользнула бесшумно, как призрак, ладья, сделанная из коры золотистой березы.

А если он будет сидеть совсем тихо, не шевелясь, ему даже

может почудиться легкое прикосновение к плечу, как будто кто-то невидимый беседует с ним. Несмолкаемое журчанье ручейка – то громкое, то тихое, то приближающееся, то удаляющееся – вдруг замолкнет, и донесутся, словно издалека, звуки глухих голосов, говорящих на языке, ему непонятном. А может случиться так, что ему послышится какое-то неуловимое движение за спиной, и, обернувшись, он заметит, или ему только померещится, несколько загадочных теней, собравшихся вместе и как будто беседующих друг с другом. Эти легкие тени не испугаются одинокого путешественника, но вздохами, тихими, как шелест тростника, нежными, как шорох листьев на березках, будут пытаться – терпеливо и настойчиво – добиться понимания в сердце того, кто пробудил их сумеречное сознание.

Я знаю, это правда, потому что я сам бывал там часто и прислушивался к тишине в предрассветные часы: я слышал их нежные, тихие голоса, словно звук их долетал откуда-то издалека. И в такие минуты воздух вокруг меня казался наполненным какими-то легкими шорохами и топаньем малюсеньких ножек. Я чувствовал, как легкий ветерок пробежал по моему лицу, словно от движения множества невидимых гостей, пришедших навестить меня и вместе со мной послушать рассказы, которые березки без умолку нашептывали величавым молчаливым соснам.

Быть может, вы скажете, что эта прозрачная компания друзей лишь плод моего воображения, взволнованного тос-

кой и долгим созерцанием родных мест, что я ловлю руки, которых уже нет, и в темноте ночей напрасно прислушиваюсь к голосам, давно умолкнувшим.

Если вы думаете так, не судите меня слишком строго, потому что это неизгладимые Воспоминания о прошедших днях, о людях и четвероногих друзьях, с которыми мне никогда больше не суждено увидеться.

Не обо всем я смогу рассказать вам – самые дорогие воспоминания я утаю от вас и буду хранить только в своем сердце; я боюсь, что, открыв свою тайну, потеряю силу вызывать в своем воображении любимые образы прошлого.

И все-таки мне хочется многим поделиться с вами. Итак, мои неведомые читатели, дорогие друзья, если вы не пожалеете часок-другой своего времени, садитесь возле меня, и я вам поведаю «ЗАГАДКИ ОПУСТЕВШЕЙ ХИЖИНЫ».

Сыновья Ки-уэй-кено



В наши дни, когда радио и быстрые теплоходы установили настолько тесную связь между КАНАДОЙ, английским доминионом, и старой АНГЛИЕЙ, что можно слышать речи через океан, а путешествие из Ливерпуля в Галифакс стало чуть сложнее, чем прогулка к морскому берегу, трудно себе представить, что рядом с этой передовой и процветающей КАНАДОЙ простирается край первозданной дикости. Тем не менее это так.

Этот не тронутый цивилизацией район, составляющий большую часть КАНАДЫ, лежит к северу от Великого Водораздела, который пересекает КАНАДУ и разделяет ее реки на те, которые текут на юг, и другие, которые впадают в Северный Ледовитый океан. Мало кто знает, что только южный склон цепи возвышенностей подвергся модернизации, и то не на всем протяжении. Для обитателей этой «цитадели» дикие просторы Севера известны под индейским названием Киуэйдин, что в переводе на русский язык означает «Страна Северо-Западного Ветра», – название это передает суровую таинственность и беспредельность просторов.

Для обитателей дикого Севера густонаселенная часть южного склона – это особый мир; о тех же, кто в кои веки раз добрался до железной дороги и отправился туда, люди многозначительно говорят: «Они поехали в КАНАДУ», словно они предприняли путешествие за границу.

Индейцы, кочующие по бескрайним лесам Страны Северного Ветра, живут по обычаям своих предков, обитавших в этих краях с незапамятных времен. Они все еще пользуются старым индейским оружием и охотничьим снаряжением, но некоторые товары выменивают у бледнолицых, и без этого им уже трудно обходиться.

То здесь, то там на песчаных берегах озер вырисовываются закопченные дымом конусообразные верхушки вигвамов. Домотканые одеяла из кроличьей шерсти неизменно служат верной защитой от суровых холодов, а мокасины из оленьей и лосевой шкуры, легкая и удобная обувь индейцев, незаменимы при скитаниях по обманчивым лесным дебрям. Копье, лук и стрелы, деревянные капканы и старинное шомпольное ружье, которое заряжается с дула, еще часто встречаются в этих краях. А в глухих, отдаленных местах, где нелегко достать себе обновку, индейцы до сих пор мастерят себе одежду из оленьей и лосевой шкуры. Этот народ не входит в семью цивилизованных народов, но называть его диким, как это принято, несправедливо. Удивительно честные, простые и добрые люди, они считают своим священным долгом гостеприимство; они готовы принять у себя каждого индейца,

но пришельцев они сторонятся и стесняются. Мужественный и сильный от природы, индеец твердо идет по намеченному пути. Его смелость и настойчивость так велики, что, невзирая ни на какие препятствия и трудности, он достигает намеченной цели часто даже ценой самой жизни.

Мне хочется рассказать о подвиге двух индейских мальчиков племени оджибвеев. С их родовой группой я охотился в районе, известном у индейцев под именем Маниту-пипажи, или «Место, где хохочет дьявол». Ки-уэй-кено («Человек северного ветра») был отцом этих мальчиков. Среди людей, известных своей выносливостью, Ки-уэй-кено выделялся своей почти сказочной силой. Высокий, легкого атлетического сложения (хотя большинство его единоплеменников коренасты), он переправлял волоком грузы весом шестьсот фунтов. По всей округе он славился как замечательный охотник и носильщик.

Была пора листопада. Охотничьи ветры разгулялись в темном сосновом бору. Индейцы, покинув поселок, направлялись на свои зимние охотничьи участки. Они проводили там всю зиму, а зима в тех краях длилась шесть-семь месяцев. Приходилось перевозить большие грузы через большие и маленькие озера, перетаскивать волоком – люди преодолевали расстояние до двухсот миль. Большинство семей проделывали этот путь дважды, переправляя груз по частям на своих обычных шестнадцатифутовых каноэ. Но Ки-уэй-кено не признавал такого способа переправы. Он грузил всю свою

поклажу на огромную пирогу, чтобы больше не возвращаться в поселок. Поднять такую ладью было едва под силу двоим мужчинам, но силач Ки-уэй-кено перетаскивал ее через все волокни один. У него было еще маленькое каноэ, сделанное из березовой коры, на нем два его сына, подростка, переправляли более легкий груз; оно предназначалось также и для осенней охоты.

Дела шли своим чередом, и все было, как обычно бывает во время этих переездов. В иные дни индейцы продвигались всего на пять миль, а в другие на двадцать – все зависело от трудности пути. Долго ли, коротко ли, но они прибыли на зимнее стойбище. Не теряя времени, разбили лагерь, наложили и засолили рыбу; охотники настроляли дичи и сделали запасы мяса, проложили тропы по нехоженным местам. Скоро побуревшая трава бобровых лужаек была покрыта изморозью и на ней обозначились следы пробежавших здесь лисиц и рысей. Кромка льда образовалась на болотах. Капканы были расставлены, и охота началась.

Как-то утром, когда уже начались заморозки, Ки-уэй-кено отправился на охоту в маленьком каноэ, сделанном из березовой коры. Я уже говорил, что Ки-уэй-кено был замечательным охотником и искусным гребцом, но мне хочется еще сказать, что порой Дикая Природа расставляет такие препятствия и ловушки, что даже самые опытные охотники и бывалые люди могут быть застигнуты врасплох. Итак, Ки-уэй-кено плыл в маленьком каноэ. Он перезарядил свое ружье

и выстрелил в утку. В обледеневшем каное он не смог удержать равновесия. Легкая ладья перевернулась, охотник попал в водоворот и был сброшен водопадом с высоты шестидесяти футов.

Сыновья охотника в это время разбивали лагерь на берегу. Они все видели. Обливаясь слезами, они бросились к подножию водопада и искали, искали отца... Но все было напрасно, они не нашли даже щепок маленького каное. Река в этом месте представляет собой длинную цепь водопадов и стремнин. Дети поняли, что найти отца им не под силу.

И вот сыновья Ки-уэй-кено – старшему было пятнадцать, а младшему тринадцать лет – решили как можно скорее вернуться в поселок и рассказать о случившемся несчастье. Мальчики надеялись, что кто-нибудь поможет им найти останки отца. От поселка их отделяло расстояние в сто двадцать миль, и на этом пути нужно было преодолеть переправу через тридцать два волока. В их распоряжении была лишь та самая громоздкая пирога, взвалить которую на плечи было едва под силу двоим сильным мужчинам. В довершение всех бед надвигалась зима, в любой день она могла сковать льдом озера и остановить мальчиков в пути.

Прибежав на место зимнего стойбища, мальчики отправились в очень трудный обратный путь – домой – совсем налегке. Они захватили с собой только топор, мешочек с мукой, кусочек сала, чай, немного спичек, сковородку и котелок. Таким образом они рассчитывали сберечь драгоценное

время.

Все, что произошло дальше, кажется невероятным. В это время года почти непрерывно дуют сильные ветры, и огромную ладью, почти без груза, управляемую двумя мальчиками, временами относило в сторону на несколько миль. Особенно тяжело было, когда они плыли в юго-западном направлении, где их замучили свирепые встречные ветры. Не в силах бороться со стихией, сыновья Ки-уэй-кено стали плыть по ночам, так как ночью ветры затихали. Трудности этого мучительного пути становились все тяжелее оттого, что он проходил по незнакомым мальчикам местам, – они проплыли здесь всего один раз.

И все же самое большое испытание ждало их впереди, на волоках. Согнувшись в три погибели, они с невероятным усилием поднимали громоздкую пирогу – один с одного конца, другой с другого – и клали ее на сваленные деревья или на большие камни. Потом они подлезали под нее, каждый со своего конца, с трудом поднимались на ноги и шли, неся эту непосильную ношу, пошатываясь, спотыкаясь. Местами мальчики ползли через волок. К счастью, большинство волоков были короткими, но было несколько очень длинных, а один из них вытянулся на целую милю. Так день за днем сыновья Ки-уэй-кено совершали свой подвиг, проделывая изнурительный, непосильный путь. Они ели наспех сделанные лепешки, смазанные салом, запивали горячим чаем. А спали просто под пирогой, так как одеял с ними не было.

Небольшие озера все больше покрывались льдом, и мальчику, сидящему в носовой части ладьи, приходилось пробивать его шестом – это сильно задерживало их движение. В довершение всех бед повалил мокрый снег, и вечером, вместо того чтобы ложиться спать, мальчики сушили свою одежду у костра.

То и дело теряя драгоценное время от неожиданных задержек в пути, усталые до изнеможения, они продвигались теперь лишь со скоростью четырех-пяти миль в день.

Запас продуктов становился все меньше и меньше. От недоедания они еще больше теряли силы. В конце концов мальчики остались совсем без еды. Их мучил голод. Им снились страшные сны. В больном воображении пирога то казалась им чудовищным белым слоном, оседлавшим их, то безжалостным надсмотрщиком, который выматывал у них последние силы, каким-то дьявольским существом, губящим их.

Они были индейцами и привыкли к суровой жизни – это правда. Но сейчас они были просто беспомощными мальчиками, одни-одинешеньки посреди бескрайней немой глуши, без еды и без крова.

Малейший просчет в управлении ладьей на поверхности бушующего озера или отклонение в пути грозили смертью либо в пучине волн, либо от голода и холода. Но перед лицом почти непреодолимых трудностей мальчики выполнили заветы индейцев, требующие, чтобы начатое дело было до-

ведено до конца во что бы то ни стало, любой ценой.

Исхудавшие, с болезненно горящими глазами, измученные горем тяжелой утраты, сыновья Ки-уэй-кено ступили на землю своего поселка. Они вынесли такие тяжелые испытания, которые редко кому из ребят выпадали на долю. Закаленные суровым воспитанием индейцев и жизнью, полной лишений, эти мальчики совершили подвиг, который даже многим взрослым оказался бы не под силу.

Один день в Тайном городе

*От жары, в затишье полдня,
Тяжким воздух становился;
В полусне шептались сосны
Позади вигвамов душных,
В полусне плескались волны
На песчаное побережье.*

Лонгфелло



Влияние «цивилизации» отняло много романтики, красочности и экзотики у индейских поселений, расположенных либо в резервациях, либо в глухих уголках Дикой Природы. Попытки строить свою жизнь на жалком подражании белым – без средств, без умения и навыков – не дали положительных результатов, и индейцев стали упрекать в неряшливости. Только те из них, кто на протяжении долгого времени при благоприятных условиях привыкал к культуре белых, приспособились кое-как к непривычной жизни в деревянных домиках. Нищие хижины индейцев, расположенные вдоль железной дороги, красноречиво говорят о трагедии приспособления. Совсем иначе идет жизнь в вигваме.

Несмотря на тесноту, индейцы ведут свое хозяйство очень аккуратно и разумно. Попробуйте предложить семье бледнолицых похозяйничать в типи¹ – они растеряются, и все пойдет кувырком. Многие из индейцев, поселившихся в деревянных домишках, отвыкли от кочевой жизни отцов, и туристу придется пройти далеко за пределы обычных маршрутов, чтобы найти поселение кочевников, живущих примитивной, но очень разумной жизнью, обычаи и устои которой создавались на протяжении многих веков. Эти индейцы организуют на зиму временные поселения, местонахождение которых выбирается в зависимости от условий охоты. Они выезжают небольшими коммунами из четырех-пяти семей, а иногда выезжает и одна семья. Все походное оборудование очень легкое и непосвященному может показаться едва ли подходящим для суровой зимы. Охотники выбирают защищенное место, вблизи хорошего леса, где водятся лоси и можно рассчитывать на рыбную ловлю. Здесь индейцы разбивают свой лагерь – четырехугольные палатки и восьмиугольные типи. И для палатки, и для типи воздвигают стены высотой в четыре бревна, а потом прилаживается верх из бересты или шкур. Щели между бревнами старательно законопачиваются мхом. Когда зима вступит в свои права, жилища индейцев утепляются тщательно присыпанным снегом. Небольшие жестяные печурки обогревают палатки, а в вигвамах индейцы греются у открытого очага. У индейцев Канадского Севера очаг скла-

¹ *Типи* – вигвам.

дывается вблизи одной, почти перпендикулярной стены, а не в центре, как у племен Великой Равнины.

Каждый член семьи имеет свое спальное место, позади которого хранятся его личные вещи. Утром все байковые одеяла складываются в дальний угол вигвама или же скатываются и укладываются на полу у самой стены. Весь пол индейского жилища устлан душистыми ветками, на этом мягком ковре индейская семья садится за еду, здесь же они делают свою домашнюю работу. Подстилка не залеживается, а меняется часто. В этих условиях домашнее хозяйство чрезвычайно простое и ведется с минимальным количеством кухонной утвари и посуды, и таким образом хозяйки легко соблюдают порядок. Кости и другие отходы охотничьего хозяйства, отходы после очистки и покраски шкур выбрасываются на снег в кусты, где они лежат замороженными семь-восемь месяцев – до наступления весны, а к этому времени охотники уже покидают свой зимний лагерь. Эти кучи отбросов, которые остаются после индейцев, и создали кочевому народу репутацию нечистоплотной жизни.

Вблизи вигвамов между деревьями, расположенными треугольником, устраиваются полки, а повыше прикрепляются плетенки, где хранятся мясо, рыба и другие продукты; это делается с тем расчетом, чтобы уберечь припасы от вечно рыскающих голодных упряжных собак. После каждой метели через сугробы снега люди прокладывают лыжные тропы, соединяющие их жилище с целым рядом собачьих конур,

сделанных из хвороста и утепленных снегом. Внутри вигвамов все удивительно чисто и уютно, огонь в открытом очаге без особых хлопот поддерживается всю ночь; труднее поддержать тепло в палатках, отапливаемых железными печурками.

Летом, когда пройдет период весенней торговли мехами, некоторые из этих индейских коммун отправляются в глухие уголки, расположенные вдали от больших дорог. Индейцы не любят бледнолицых туристов и других непрошенных гостей. Они тщательно маскируют свои тропы, и человек, который забрел в эти глухие места, лишь случайно может обнаружить поселение индейцев.

Эти спрятанные в глухих местах поселения индейцы называют «Оден-па-ка-инне-хекадж», что в буквальном переводе означает «Скрытый город», «Тайный город». Такие города в наши дни уже редко встречаются, но все-таки они еще существуют и бережно хранят старые индейские обычаи и традиции.

Мне посчастливилось получить гостеприимный прием в нескольких из этих независимо существующих тайных поселений. А один раз меня приняли даже с компанией бледнолицых туристов, чей искренний интерес и доброжелательное отношение к «краснокожим братьям» заставили меня приложить все усилия, чтобы получить разрешение переступить запретную границу. Вышло так, что мы разбили лагерь в нескольких милях от одного тайного поселения, о суще-

ствовании которого мы уже догадывались. Один из туристов, возглавлявших эту компанию, настойчиво уговаривал меня сделать попытку договориться с индейцами. Я знал, что нога бледнолицего еще не ступала дальше причала каноэ, и на успех этих переговоров вряд ли можно было рассчитывать. Ни в одном обществе ваше неожиданное появление – без приглашения и без извещения – не вызовет такого определенного, безоговорочного, полного отказа в гостеприимстве, какой вам дадут обитатели обыкновенного индейского поселения, для которых вы нежеланный гость. Вождь родовой группы, о которой идет речь, – Большая Выдра – был человеком высокомерным, и, несмотря на то что я с ним был знаком, он никогда не приглашал меня к себе. Тем не менее как-то раз я нашел на волоке прекрасно сделанное весло работы Большой Выдры, на котором было вырезано мое имя. Это был отличный подарок в краю быстрых, стремительных рек и, казалось бы, было хорошим предзнаменованием. Однако я не возлагал больших надежд. На следующий день я попытался объяснить своим спутникам, как надо себя вести во время таких встреч с индейцами; потом мы сели в пирогу и поплыли к поселку Большой Выдры. Мы плыли почти час, преодолели по пути несколько водопадов и вдруг очутились на огромном круглом озере, спрятанном среди обрывистых холмов, поросших дикими соснами, еще не тронутыми топором человека. По озеру мы плыли еще час прямо навстречу солнцу и наконец попали в узкую бухточку, там

за высоким выступом неожиданно обнаружили целую флотилию каноэ: одни стояли на причале, другие были перевернуты вверх дном. Вверх от берега вилась узкая тропа, она поднималась по невысокому склону к роще великанов сосен. Здесь среди громадных пней на ровном месте стояли врассыпную вигвамы и палатки. Голубой туман от дыма повис в воздухе просеки; какие-то люди, словно загадочные тени, появились около жилья и снова исчезли. Никто не вышел, чтобы встретить нас; была полная, угнетающая, давящая тишина.

Я кликнул своим обычным совиным кличем, и мгновенно невероятный, неопиcуемый шум разорвал тишину на клочки: свора огромных собак-волков с оглушительным лаем бросилась к берегу и разыграла там жуткую сцену, демонстрируя свою неутолимую жажду крови. Один из наших спутников в испуге спросил, умеют ли они плавать.

Высокая стройная фигура с развевающимися волосами сбегала вниз по склону холма и, очутившись среди своры разъяренных прыгающих собак, стала размахивать горячей головой, пока они не покорились и не выстроились в ряд на берегу. Человек, теперь уже нетрудно было в нем узнать самого вождя, подошел к песчаной кромке берега, к самой воде, и там остановился. Он не поднял руки и вообще никак не приветствовал нас. Вся обстановка этой сцены были картиной первобытной дикости. Представьте себе: огромные стволы вековых деревьев, конусообразные типы, которые

неясно вырисовывались в голубом от дыма тумане, быстрые, едва различимые жесты людей, передвигавшихся, словно тени, среди закопченных жилищ, высокая гордая фигура вождя, ставшего неподвижно на берегу, и позади него целая свора свирепых собак.

Что-то нужно было сказать, я начал переговоры: «Хау! Ку-эй, куэй, Гитче Негик! (Приветствую тебя, Большая Выдра!) Я нашел весло и должен поблагодарить тебя». И потом: «Мои друзья хотят сделать подарки вашим ребятишкам». Последние слова, которые не раз смягчали сердца самых суровых людей, на этот раз прозвучали впустую. Большая Выдра закричал: «Аноатч! Аноатч! (Так нехорошо поступать!) Кто эти люди? Не Большие ли Ножи?»

Положение было напряженное и требовало особого чувства такта, чтобы не сорвать переговоры. Я не могу похвастаться, что обладаю дипломатическими способностями, но сделал все от меня зависящее, чтобы выйти из трудного положения.

Я сказал ему, что эти люди приехали издалека, что у них самые дружественные намерения и им искренне хочется посетить своих краснокожих братьев. Я подробно остановился на тех трудностях, которые пришлось перенести этим путешественникам, преодолевая расстояние более девяноста миль от железной дороги, по нехоженным тропам и бурным водным путям, пока наконец они не достигли этих берегов. Это дипломатическое лавирование, тщательно сформулиро-

ванные комплименты, осторожные утверждения и возражения, которыми мы обменивались, очень напоминали переговоры между послами двух стран на грани войны, но воспроизвести все это в точности я уже не в силах. Достаточно будет сказать, что Большая Выдра, задав мне очень ловко несколько испытующих вопросов и предупредив, к сожалению, что фотографирование у них запрещено, произнес с чувством удовлетворения: «Ундуш, кибан (Ладно, сойдите на берег, и мы переговорим)». Я следил за сворой волков-собак позади нас. «С нами женщины, – сказал я по-английски, – может быть, вы привяжете собак». Вздохи облегчения вырвались не только у женщин. Большая Выдра повернулся и сказал мимоходом несколько слов; старая женщина и несколько ребятишек, не проявляя ни тени страха, появились среди свирепых собак и стали их отгонять и тащить в сторону. Собаки послушно исполняли их волю.

Когда мы сошли на берег, вождь торжественно пожал руку каждому из нас, и его суровое лицо осветилось непривычной улыбкой; с удивлением смотрели бледнолицые гости на него – два ряда ослепительно-белых зубов так резко контрастировали с его обветренным, смуглым лицом.

Он шел впереди, показывая нам дорогу к лагерю. Собак уже не было видно, но они все еще не могли успокоиться, и мы слышали их рычание. Одна или две темных головы высунулись из вигвама и смотрели в упор на нас. Несколько детишек отбежали на некоторое расстояние, а потом повер-

нулись и разглядывали нас своими любопытными глазками. Вдали мы увидели двоих или троих мужчин. Положение было явно напряженное, и бледнолицые гости стали говорить шепотом. Казалось, что между ними и индейцами была стена непонимания, неосязаемая, но реальная, невидимая, но явно ощутимая.

Большая Выдра сказал несколько слов на своем плавном гортанном языке, и не успели замолкнуть звуки его голоса, как к нам подошел неслышной поступью индеец, обутый в мокасины, и поздоровался со всеми за руку. Он был молод, и его красивое лицо зарделось от смущения. Потом пришли другие индейцы – индейцы разных возрастов, со спокойными лицами, все в бесшумных мокалинах. Они пожали всем руки, торжественно, но бесстрастно и безмолвно. Теперь вышли женщины из своего укрытия и тоже продемонстрировали церемонию рукопожатия. Веселая пожилая женщина, задрапированная в клетчатый плед и с ярким платком на голове, держала в левой руке большой нож и отпускала остроумные, но совсем не враждебные замечания по адресу каждого из гостей. Переложив нож в другую руку, она снова принялась за работу и стала скоблить свежую лосевую шкуру. Глядя на нее, и другие женщины погрузились в свой самоотверженный труд, по-видимому прерванный нашим приходом. Появились дети, застенчивые, улыбающиеся личики, с блестящими черными глазами, полными любопытства. Мальчики подошли решительной, мужественной походкой и с чув-

ством собственного достоинства поздоровались с нами за руку. Маленькие девочки – в широких клетчатых платьицах, с шалью на голове – уселись поодаль от нас и в изумлении перешептывались: «Шаганаш! Гитче Мокомен! (Белые люди! Американцы!)»

Когда туристы начали давать детям подарки, женщины, занятые работой, взглянули в нашу сторону с явным одобрением, и атмосфера недоверия и подозрительности сразу исчезла, словно снег под горячими лучами солнца. Казалось, все было хорошо. И в то же время нельзя было не заметить царившей здесь настороженности. Непроходимые заросли шириной сто футов, выросшие на месте вырубленного леса, защищали селение с трех сторон – ни одно живое существо не смогло бы пробраться сюда бесшумно. Через это естественное ограждение были прорублены узкие просеки-тропинки, которые расходились от селения во все стороны. На каждой из этих троп стояли привязанные к длинным ремням собаки. Стоило к ним немного приблизиться, как они бросали на нас взгляды, полные злобы и ненависти.

Это было в двадцатом столетии, но не прошло и нескольких минут, как мы об этом забыли. Время и влияние современной цивилизации были отброшены, как ненужные одежды. Кругом стояли высокие старые деревья, немые свидетели многовековой истории этого края. Типы из коры желтой березы, одни посеревшие от давности, с закопченными конусообразными верхушками, другие новенькие, ярко-желтые,

расположились под темно-зелеными ветвями. Вблизи жилищ сооружены сушилки из жердей, на которых висела разрезанная вдоль рыба и длинные куски лосевого мяса; внизу, посредине, тлел синеватым пламенем костер. Хозяйки варили обед на костре, другие женщины прилежно обрабатывали шкуры. Недалеко от берега озера двое мужчин и женщина заканчивали работу над каноэ из березовой коры – кругом валялись щепки и куски коры. Яркие байковые одеяла – красные, зеленые, белые – проветривались, разбросанные на высоких жердях, и добавляли экзотические тона этой живописной картине. Едкий запах дыма и тихий прерывающийся гомон голосов на старинном-старинном языке. Индейское поселение прадедовского уклада, в подобном же селении, наверное, и Понтиак² лелеял свои мечты о победе. Мы спустились по шкале истории на несколько столетий назад за несколько минут. Туристы в спортивной одежде выглядели нелепо, их речь звучала диссонансом. Они буквально стали анахронизмом в обстановке первобытной жизни индейцев. Несмотря на официальное приглашение в гости, которое мы получили, каждый из нас инстинктивно чувствовал, что есть граница, пределы которой мы не смеем нарушать, ни в коем случае мы не могли позволить себе фамильярности. Какая-то таинственность и сдержанность ощущалась во всем, вряд ли это можно было объяснить дикостью. В цивилизованном мире эти люди могли бы показаться стран-

² Понтиак (1720–1769) – индейский вождь племени оттава.

ными, неловкими, неряшливыми, из ряда вон выходящими. Но здесь, на лоне Дикой Природы, в своих собственных владениях они были великолепны. Трудолюбивые, они рассчитывали только на свои силы и гордо защищали свое право граждан государства Дикой Природы.

Я стал перебирать в памяти свои встречи с этими людьми. С благодарностью вспоминал, как Большая Выдра делился со мной лосевым мясом. И разве можно забыть старого сказочника Пад-уэй-уэй-дука («Вот он идет с криком»), у него в уголках глаз были нарисованы красные и голубые треугольники, потому что он был ранен стрелой; всю ночь напролет он мог трещать сделанной из панциря черепахи трещоткой; прыгал поздней осенью в реку, когда уже намерзал лед. Я узнал старого Саа-Сабина – «Желтую скалу», он всегда бродил в одиночку, говорил очень редко и то только поговорками. Тут и Джимми Туенти – редко кто видел, чтобы он ходил, он всегда бежал, быстро семеня ногами. Матодженс («Маленький ребенок») – он колдун, только незлой, предсказывает погоду за две недели вперед. И хотя он обычно напевает под аккомпанемент своего барабана, натянутого волчьей шкурой, он очень приятный собеседник. У Пад-уэй-уэй-дука удивительно стройная дочь, с великолепными длинными волосами, распущенными по плечам; она не подошла к нам, осталась немного в стороне, но не сводила с нас своих испуганных, как у лани, глаз.

Теперь Большая Выдра пригласил нас жестом руки в боль-

шой вигвам и сказал: «Войдите и отдохните немного, женщины приготовили вам еду». Это приглашение было очень кстати. Нас угощали жареным лосевым мясом, жареной рыбой, индейским хлебом – баннок – и очень горячим чаем. Внутреннее помещение вигвама было безукоризненно чистым, на столбах висели пучки душистых трав и разные корни, распространявшие своеобразный аромат. Две молодые женщины исполняли роль хозяек. Гости уселись – по индейскому обычаю – на полу, застланном свежими зелеными ветками, и ели с аппетитом из жестяной посуды.

Некоторым из туристов уже приходилось знакомиться с жизнью индейцев, но был с нами спортсмен, который признался, что «обед на ковре из зеленых веток, в вигваме тайной индейской деревни был осуществлением давнишней мечты». Наши спутницы попросили, чтобы кто-нибудь из индианок рассказала бы о себе. После настойчивых уговоров одна из них согласилась. Оказалось, что она никогда не видела ни большого города, ни поезда, и ей было безразлично, увидит ли она их когда-нибудь или нет. Дальше началось полное непонимание друг друга, и мне, как посреднику и переводчику, пришлось лавировать, делать дипломатические увертки и в меру своих сил импровизировать, чтобы не порвать дружественных отношений.

Тепло и тишина вигвама подействовали успокаивающе на гостей, утомленных путешествием, и несколько человек задремало. Другие сидели, прислонившись спиной к стволу де-

рева, на подстилке из сосновых игл или же на бревне у очага и с удовольствием курили. В вигвам вбежал мальчик, в руках у него был лук, согнутый из кедровой ветки, за поясом три куропатки; он ловко очистил их от перьев и повесил над тлеющим очагом.

Вечерело, жара начала спадать. Две белки с бешеной быстротой промчались по лагерю и, взметнувшись на дерево, все кружились и кружились по стволу с дикими криками, как будто перебранивались друг с другом. Сойка беззвучно появлялась в воздухе то здесь, то там; она доверчиво летала, и никто ее не трогал.

Невозмутимая тишина водворилась в лагере. Вечерняя прохлада и сырость уже начали пронизывать воздух, из-за деревьев и со стороны опушки леса стали расползаться тени. День быстро угасал, и на обратном пути нам должна была светить луна. Мы разбудили уснувших и сели в лодку. Никто не попрощался с нами, но вождь проводил нас до причала. Я поднял руку в знак прощального приветствия, и, как бы в ответ, Большая Выдра сказал мне: «Ки сакитон на ки до мокомен? (Дорожишь ли ты своим ножом?)». У меня за поясом был обыкновенный охотничий нож, по тому времени хорошего качества. Я ответил, что очень дорожу своим ножом, он мне настолько дорог, что никому не хочу отдавать его. Но, добавил я, так как ты мой брат, я отдам его тебе. (Что я и сделал. Я отдал нож вместе с поясом и ножнами.)

Отчалив от берега, мы все замерли, зачарованные дикой

красотой природы. Красное солнце наполовину спряталось за черную стену леса. Тесными рядами стояли легионы сосен, сливаясь с тенями уже потемневших холмов.

Пара гагар, сверкая своей белой грудью, плыла так тихо по воде, что казалось, будто они плыли в воздухе. Тоненькие струйки дыма поднимались из очагов вигвамов и стелились белым покровом над Тайным Городом. Скоро взошла луна, бледная и очень близкая к земле, и на ее широком светящемся фоне встала черным силуэтом сосна. Где-то вдали прокричала сова.

Мы плыли все дальше и дальше от сказочного Тайного Города, с его обычаями далекого прошлого, с тихими и нелюдимыми обитателями, загадочными и таинственными, как темный бор, в котором они родились. И когда мы переплыли озеро и очутились среди скалистых берегов узкой реки, к нам донесся протяжный, заунывный вой собак-волков, приветствовавших полнолуние, как это делали их дикие сородичи с незапамятных времен.

Глубокой ночью в тихом воздухе раздался едва различимый звук, настойчивый, все повторяющийся, монотонный, — ритмический бой индейского барабана.

Сосна

(Рассказ-легенда)



Под утро роса стекала каплями с игл сосны, и казалось, что падали слезы на человека и на умолкшее поле битвы.

Возраст дерева можно точно определить по ствольным кругам: сколько кругов, столько и лет дереву.

Шестьсот пятьдесят лет назад, а может быть, немного раньше или позже, белка подобрала сосновую шишку, которую она только что сбросила вместе с десятком других шишек с вершины дерева, растущего на ближнем холме. Белка понесла эту шишку в потайное место на перевале Скалистых гор, где уже начала складывать на зиму самые сочные и спелые шишки. Когда белка добралась до своей кладовой, то отвлеклась чем-то, выронила шишку, а потом забыла с ней.

Должно быть, уже двенадцать шишек натаскала белка, но кладовая еще не была полна и осталась неприкрытой. Дождь и ветер постепенно разбросали шишки на расстояние нескольких футов друг от друга. Они благополучно перезимовали, на следующий год семена пустили корни и дали по-

беги, став крошечными сосенками. И сразу каждый побег потянулся к солнцу, стараясь перегнать в росте своего соседа, потому что от солнца зависела его слабенькая жизнь. Деревца росли быстро, участвуя в состязании, довольно жестоким для таких нежных, маленьких существ. Некоторые из них росли медленнее других – они были затенены своими более сильными братьями, стали чахнуть от недостатка солнечного света и скоро погибли. Пять лет спустя всего семь или восемь сосенок выжило – они стояли врассыпную и выглядели весело и бодро.

В один из осенних дней того года пришел олень. Он полакомился нежной верхушкой одной из сосенок и общипал молодые побеги на ее ветках. Когда пришла зима, нагрянули кролики – их было много в тех краях, они ободрали кору на двух-трех деревцах очень тщательно по всему стволу, куда только могли дотянуться. И эти сосенки тоже погибли.

Прошло еще пять лет. Уже лето было на исходе, когда сюда повадился ходить лось. Он облюбовал себе молодую сосенку из знакомой нам семьи и постоянно приходил и почесывался о ее тонкий ствол головой, чтобы очистить молодые рога. В конце концов он повалил ее вместе с другими деревьями, которые росли поблизости.

Через двадцать лет молодые сосенки стали уже стройными деревьями и могли бы прожить еще много лет, до самой старости, если бы не забрел в эти места дикий кабан и не ранил их смертельно: он ободрал кору с каждого дерева, кроме

одного. Кабан задержался здесь ненадолго, он побрел дальше в поисках более интересных и богатых лесных участков.

Оставшись одна-одинешенька, молодая сосна уже не служила больше приманкой для диких зверей и целую сотню лет росла спокойно и набирала силы, пока наконец не превратилась в замечательно красивое дерево. Но из-за того, что сосна росла на открытом месте, на высоком обрывистом перевале Скалистых гор, у подножия которых простиралась прерия, она была коренастая, с могучим стволом и широко распростертыми ветвями, хотя и не очень высокая; юго-восточные ветры дули из прерии, то и дело трепали и гнули ее вершину, а ветви ее, словно огромные темные руки, в стремительном жесте всегда были направлены на север.

Сосна устояла против ужасных ветров, временами свирепых, как смерч, постоянно дувших на нее. Засуха, ливни и снежные бураны – все разрушающие стихии – пытались погубить ее, вырвать с корнем, сломать. И, несмотря ни на что, она росла и росла и даже, казалось, чувствовала себя отлично в этих условиях. Постоянная борьба за существование выработала в ней необыкновенную выносливость, и она жила и жила. Она прожила около двух веков; ствол ее разросся до огромных размеров в объёме, а гигантские ветви, будто маленькие деревья, сучковатые, искривленные, переплетались друг с другом и свешивались до земли, образуя просторный тенистый шатер, который манил к себе пробежавших мимо зверей: летом они прятались здесь от жары, а зи-

мой – от снежной выюги.

С незапамятных времен разные звери направлялись к этому перевалу, потому что здесь было удобно проходить. Перевал представлял собой довольно ровную площадку шириной до двухсот ярдов. И звери приходили сюда то в поисках добычи, то просто брели. Но теперь здесь выросло дерево – тенистая, развесистая сосна, и незаметно она начала влиять на направление их пути. Животные, как и люди, путешествуют по определенным тропам – от одного приметного места к другому. Часто следы зверей видны на необычайно высоких скалах или же в лощинах, покрытых богатой древесной растительностью, на большой бобровой плотине, а также в местах, где образовался особенно удобный брод. Хорошо заметные тропы прокладываются между такими местами.

Перевал был последним звеном в цепи излюбленных зверями мест в конце длинного утомительного путешествия по горам. И в то же время он был истоком пути, если путешествие начиналось из прерии. Могучая сосна со временем стала обетованным местом, в своем роде Меккой, куда устремлялись все звери, путешествующие взад и вперед и отдыхавшие в ее тени. Набравшись сил, они продолжали свой путь, быть может, с каким-то неясным чувством благодарности и дружбы к одинокому дереву. Это место привлекало еще чудесной горной поляной, которая, словно зеленый ковер, стелилась вокруг сосны. Там пестрели цветы, и созревали ягоды – было чем полакомиться, – и журчал горный ручей, где

водилась форель.

По звериной тропе, которая постепенно сделалась гладко утоптанной и хорошо заметной, проходили порой удивительные звери. Огромный лось – вожак стада, степенно передвигающегося, словно длинная процессия, был завсегда таем у подножия нижних холмов. И каждый год, когда первые заморозки покрывали золотом и бронзой листья осины, он приходил на поляну и располагался стойбищем со своим стадом. Отсюда раздавался на весь мир его тревожный трубный клич. Но пришло время, когда вожаком стал другой лось, – в ту осень он провел свое стадо через перевал, даже не остановившись у сосны.

Как-то раз забрела сюда свора степных волков – койотов, – эти хищники редко встречаются на такой высоте, Свирепые и осторожные, с разбегающимися косыми глазами, они вскарабкались по склону горы, потоптались с беспокойством на поляне, потом легкими, пружинящими прыжками убежали прочь и больше сюда не показывались.

А однажды пришел на поляну медведь-гризли, настоящий великан. С тех пор он повадился сюда ходить довольно часто. По своему характеру он был добродушным зверем, но стоило его рассердить, и он делался свирепым и опасным. Он был королем этих гор, грозой для всех обитателей окрестных мест. Когда он поднимался на задние лапы, на груди его отчетливо выделялась серебристая подкова, словно королевская эмблема. Огромный зверь – восемь футов от носа до

хвоста, четыре фута высотой, если мерить до плеча, с громадными клыками – казался ужасно сильным. Но он не напал и не ссорился напрасно и больше всего любил тишину, часто грелся на солнце, питался корнями и ягодами, да еще рыбой, которую ловил в горном ручье, протекавшем возле поляны. Пообедав хорошенько, он ложился под дерево, облизывал свои лапы и дремал, и, быть может, ему даже снились сны.

Он подолгу пристально смотрел вниз, где простиралась привольная прерия, уходящая в бесконечную даль. Время от времени по просторам прерии темным потоком передвигались черные ревушие массы, они застилали холмы и долины словно движущимся ковром. Иногда вдоль края этих передвигавшихся потоков живых существ поднимались облака пыли, и до перевала доносился едва различимый, далекий вой волков, потом более пронзительный, более дикий звук, и бой барабанов, и ритмический гул. Медведь проявлял тогда явное беспокойство.

Что же там происходило? Это передвигались сплошным черным потоком бесчисленные стада бизонов в сопровождении свор койотов. Высокие меднокожие люди спешили сюда легкой походкой; они собирались здесь целыми племенами и загоняли бизонов в наскоро сколоченные корали и там убивали их, стреляя из лука. Это происходило еще в те далекие времена, когда у индейцев не было лошадей.

Медведь все видел и слышал. Но никому не известно, что

за мысли роились в его голове, какие чувства волновали могучего зверя, когда он долго всматривался своими маленькими пронизательными глазами в ту далекую, неизвестную ему страну с ее необъятными просторами и незнакомыми обитателями. То не были родные места гризли, и он никогда туда не ходил. А могучая сосна, великан среди деревьев и тоже старая, как и он сам, стала для него как бы тихой пристанью – ему не было теперь так одиноко. Ему казалось, что сосна живая и что она его друг, хотя и была такая тихая и никогда не двигалась с места. В знак дружбы он сделал заметку зубами на стволе сосны.

И сосна, которую никто не трогал с того самого дня, когда четыреста лет назад кролики ранили ее своими крошечными зубами, вдруг почувствовала неведомую радость: теперь она знала, что в ней теплится жизнь. Когда медведя не было, земля у ее корней казалась такой голой и пустой; но как только старый гризли возвращался и занимал свое привычное место, сосна трепетала ветвями от радости. А медведь лежал довольный, успокоенный в тени любимого дерева и глядел на бескрайнюю прерию, которая уходила в неведомую даль.

Эта удивительная дружба длилась почти полвека. Теперь гризли стал старым, очень старым... Наконец пришла весна, когда он все дольше и дольше лежал, прислонившись к стволу сосны, а к концу лета почти не вставал со своего места, если не считать коротких прогулок за ягодами или же к ручью, чтобы напиться; сил охотиться за форелью у него уже

не хватало.

Листья быстро желтели, краснели, и лес заиграл волшебными красками осени – была пора индейского лета³. В дымке тумана суровые очертания гор вырисовывались мягче. Как-то раз перед самым листопадом, когда медведь лежал, прислонившись к стволу дерева, и прислушивался к тихим напевам ветра, игравшего среди ветвей, загадочная привольная прерия, которой он так часто любовался, показалась ему как бы застланной туманом и более далекой, чем всегда. Он очень устал в тот день... Но вот он почувствовал чудесный покой во всем теле, и его стало клонить ко сну... Широкая равнина поблекла и исчезла. И шепот сосны звучал все тише и тише, как будто доносился откуда-то издалека, пока, наконец, не замолк.

Медведь умер.

Горькая судьба была у старой сосны: все, кто ее любил, умирали, а она продолжала жить в печальном ожидании, что последний из друзей умрет... И вот она стояла одна на горном перевале, суровая, как бессменный часовой.

После смерти медведя орлы свили гнездо на ее вершине – король и королева воздушного пространства. Они кружились высоко над скалами с удивительной легкостью; парили в поднебесье, описывая все более и более широкие круги, поблескивая крыльями в лучах солнца. Каждый год у птиц появлялись орлята, и гнездо на вершине сосны с его моло-

³ *Индейское лето* – это теплая пора осени, наше «бабье лето». (Примеч. перев.)

дыми обитателями было предметом постоянной заботы двух королевских птиц. И сама сосна оберегала их, пока, наконец, сотню лет спустя гнездо не опустело. Но прилетела другая орлиная пара. С тех пор орлы всегда гнездились на этом дереве.

Сосна все старела и старела, все шире и шире разрастался ее ствол. Рана на стволе, нанесенная медведем, зажила, но не совсем – на том месте выступал шрам, он так и остался навсегда. Ее великолепная пурпурно-красная кора становилась все толще, а громадные ветви – более сучковатыми и широко распростертыми; с годами корни разрастались и крепились. В ясное летнее утро восходящее солнце освещало толстую, изрезанную глубокими морщинами кору и согревало дерево живительным теплом. Когда утренний ветерок набегал и играл среди ее иглистых ветвей, казалось, что они шептались и напевали тихую песню благодарности владыке жизни – Солнцу.

Индейцы, кочевавшие в прерии у подножия Скалистых гор, тоже поклонялись Солнцу. В их представлении Солнце не только давало жизнь, но и помогало бороться за жизнь. Оно сгоняло зимний снег и заставляло расти травы и цветы, чтобы украсить прерию, лишенную древесной растительности. Так думали индейцы племени блэкфут (черноногих). Они часто любовались сосной, такой могучей и гордой, – ее темный силуэт так отчетливо и дерзко вырисовывался на фоне гор, увенчанных снеговыми вершинами. Они диву дава-

лись, как сосна могла вырасти до таких огромных размеров, что даже им, индейцам, обитателям прерии, она была видна. Издавна кочуя по тем местам, откуда была видна чудо-сосна, такая старая, что никто не знал, когда она тут выросла, индейцы невольно связывали свою судьбу с судьбой вечно-зеленого великана. Так было с незапамятных времен. У индейцев племени черноногих существовало поверье, что, пока стоит сосна на перевале гор, никто не прогонит их из родной прерии. А если индейцы погибнут, то и сосна погибнет. И они смотрели на дерево с чувством благоговения.

Прошло пятьсот восемьдесят лет с тех пор, как белка в минуту забывчивости уронила шишку и, сама того не зная и не понимая, посадила удивительную сосну. И только теперь, впервые за свою жизнь, сосна оказала гостеприимство человеку.

Юноша из племени черноногих, перед тем как принять посвящение в воины, дал обет, что проведет пять дней и пять ночей под сенью старой сосны в посте и размышлениях, чтобы очистить свою душу от зла. Быть может, за эти ночи он увидит сон, и, когда вернется домой, его сон разгадают мудрые колдуны. Тогда, если он выдержит испытание, которое будет очень суровым, его посвятят в воины. И он мечтал, что черноокая подруга выслушает признание в любви и согласится войти в его новый красивый вигвам. Она разделит с ним славу – он всем сердцем надеялся, что заслужит ее в надвигающейся битве с бледнолицыми чужеземцами, которые

уже начали отнимать у них землю.

И молодой человек поднялся на гору и постился пять дней и пять ночей у подножия священной сосны. А старое-престарое дерево, наверное, удивлялось: почему он не ел – ведь все живые существа, которые приходили сюда, всегда ели. И сосне стало жаль юношу, и она распростерла свои тенистые ветви, и чудилось, что она напевает ему тихую, нежную песню.

Пять дней сидел юноша в размышлениях, устремив взор вниз, на родную прерию. Зоркими глазами он выискал лагерь и даже вигвам любимой девушки, которая с нетерпением ждала его возвращения: так, по крайней мере, он надеялся, но мог ли он в этом быть уверенным: любовь девушки такое скрытое чувство.

Вечером, ложась спать, юноша клал себе под голову вместо подушки череп медведя, который он нашел здесь, под сосной. И стоило ему заснуть, как разные звери, дикие обитатели здешних мест, подкрадывались к нему, смотрели на него с любопытством, удивляясь: кто мог появиться в этих краях? Юркие мышата, с глазами как бусинки, то выбегали, то прятались в норки. Усаживались, выпрямившись, обнюхивали его, а некоторые даже бегали по его ногам. Белки-летяги, словно бледные тени, парили бесшумно в воздухе, прыгали с ветки на ветку над самой его головой. Лисица с настороженными ушами, с вытянутым рыльцем, щеголяя роскошным хвостом, проследовала мимо легким, семе-

нящим шагом. А один раз лунной ночью появились олени карибу и бесшумно, как привидения, пересекли поляну.

У индейцев был обычай выбирать себе в покровители животное, которое явилось в сновидении во время поста. Это животное становилось символом мужества – тотемом и изображалось красками на щите. Никто из животных, навестивших юношу во время сна, не приснился ему. А приснился огромный серебристый медведь. Он стоял на задних лапах перед ним и махал передними, словно пытался что-то передать⁴. Это было счастливое предзнаменование, и юноша решил, что медведь будет его покровителем, его тотемом. Потом он нашел под деревом два орлиных пера, выпавших из гнезда с вершины сосны, – они могли пригодиться ему при посвящении в воины.

С чувством благодарности юноша сделал метку на стволе сосны своим томагавком – длинную узкую зарубку рядом с еще не зарубцевавшейся раной, которую давным-давно оставил медведь. И на короткий сухой сучок он повесил череп медведя, предварительно положив в него щепотку табаку – священный дар; потом связал челюсти тонким волокном от корня сосны. Это было счастливое место для молодого индейца. Уходя, он тепло поблагодарил дерево, сказав ему несколько приветливых слов на прощание. И сосна затрепетала от радости, когда юноша вешал череп медведя на ее сук, – словно старый друг вернулся, и она радовалась при-

⁴ Такое поведение характерно для канадских медведей гризли. (Примеч. авт.)

ветливым словам нового гостя. Первый раз за всю жизнь старая сосна услышала вблизи голос человека; после сотен лет ожидания к ней пришел наконец новый друг.

После посвящения в воины индеец пошел навестить чернооую девушку. Она приняла его тепло, гордясь им, – ведь он с таким мужеством прошел тяжелые испытания: об этом красноречиво говорили открытые раны на его груди⁵. Она радовалась, что ее жених честно выполнил обет и постился пять дней и пять ночей, а не пошел на обман, как это делали некоторые молодые люди, запасаясь на время поста кусочками вяленого мяса. И она больше не противилась ему, и он услышал ответ, которого так долго ждал... Закрыв лицо шалью, как это принято у индейских девушек, она в смущении протянула ему руку и прошептала обещание. И ей захотелось посмотреть на то место, где ее жених постился пять суток и которое так полюбилось ему.

И вот в солнечный день Месяца Ягод они простились с родителями, как будто уезжали в далекую страну, на самом же деле молодые отправились в соседние горы – на перевал, где росла старая сосна, чтобы провести там медовый месяц. Под ее тенистым шатром, на лужайке, усеянной цветами, они разбили вигвам из шкур бизонов. Несмотря на то что подъем был крутым, они захватили с собой много домашней утвари,

⁵ Здесь речь идет о ритуальном танце, который танцуют юноши во время посвящения. Будущего воина привязывают к столбу тонкими ремешками, продернутыми через петли, надрезанные на его теле. Во время танца юноша резким движением должен оторваться от столба. (*Примеч. перев.*)

так как везли свое имущество на травуа – волокуше, запряженной лошадьми. Уже несколько поколений индейцев, кочевавших на просторах Великой Равнины, занимались охотой на мустангов – одичавших лошадей, брошенных бледнолицыми исследователями с Юга.

Когда супружеский лагерь был разбит и лошади вернулись с пастбища, молодой воин принес своей жене форель, которую поймал в ближнем ручье, и ягод с поляны; принес он и букеты цветов для убранства вигвама, свежей оленины и еще сосновых ароматных веток для постели. Он нарвал вишневых листьев, подсушил их немного у костра и сделал из них душистую подушку для любимой. А потом разжег большой костер, надел на голову повязку с двумя орлиными перьями и нарядился в самый лучший костюм, вышитый бисером и украшенный бахромой. Это был подарок молодой жены – она готовила его тайком и терпеливо вышивала, веря, что счастливый день настанет.

Юноша вынул из пестрого мешочка небольшой барабан, расписанный яркими узорами, и запел; он обещал в своих песнях, что станет вождем, а она, сидя рядом у костра, слушала его с волнением и разделяла надежды; руки ее, привыкшие трудиться, усердно чистили скребком шкуру только что убитого оленя, над пламенем она вялила оленину, варила ягоды и жарила форель.

Они были очень счастливы. Дерево заботливо простирало над ними ветви и посыпало землю хвоей, выстилая мягкий

ковер.

Но вот словно какой-то стон раздался в густой зелени ветвей. Старая сосна знала, что, как все живые существа, которые гостили у нее, и эти двое не проживут долго; она переживет их и снова будет одинока – такова была ее судьба: жить и жить, в то время как другие умирают... И сосне захотелось сделать молодых счастливыми, пока они подле нее.

Как-то ночью юному воину приснилось, что около вигвама сидел огромный бурый медведь с серебристой меткой на груди. И так живо было сновидение, что юноша встал и выглянул из вигвама. Не найдя никого, он снова лег спать. Наутро он ничего не сказал жене о своем сне, боясь ее испугать. Она же, едва успев открыть глаза, начала рассказывать ему, что видела во сне огромного бурого медведя со светлой меткой на груди, которая напоминала выгнутый кверху лук и отливала серебром. Медведь сидел перед вигвамом, освещенный луной, и жестикулировал передними лапами, словно пытался что-то сказать. Тогда воин признался, что и ему тоже приснился медведь, что это, должно быть, вещий сон и что гризли надо немедленно сделать жертвоприношение, чтобы умилостивить его дух, – ведь медведь был покровителем молодого индейца. И юноша положил оставшийся у него табак в череп медведя, привязал, как знамя, свой самый красивый кушак, расшитый бисером.

А сосна затрепетала от радости всеми своими ветвями, и индеец думал, что и дух медведя тоже радовался.

С тех пор он всегда рисовал медведя на своем щите и на колчане, а жена вышивала бисером этого зверя, украшала праздничную одежду мужа, предназначенную для торжественных церемоний. И какую бы одежду ни надевал воин, на ней всегда можно было разглядеть неяркое изображение медведя или коричневые тона естественной окраски зверя.

Позже индеец ежегодно совершал свое путешествие к перевалу в горах, где росла старая сосна, и проводил ночь у ее подножия. И снова, и снова ему снился медведь, будто охранявший его во время сна. И каждый раз юный воин приносил дары, чтобы поблагодарить дерево и умиловать дух медведя. Это бывало всегда летом, в ту пору, когда созревали ягоды. И каждый год он обновлял свою зарубку на стволе сосны, очищал от смолы шрам незажившей раны со следами зубов медведя и никогда не забывал положить табак в череп.

Но однажды индеец появился в необычном виде. Он пришел обнаженным, лишь в поясной повязке, да вокруг талии затянут кушак, расшитый бисером, на котором висели широкие ножны; ноги обуты в мокасины. Лицо и тело его были расписаны малиновой, желтой и белой краской в каком-то причудливом узоре. Повязка из орлиных перьев высокой короной украшала голову, а длинные концы ее крыльями спускались на спину. В руках воин держал длинную трубку, украшенную орлиными перьями и иглами дикобраза.

Прошло уже двадцать лет с тех пор, как индеец юношей впервые посетил горный перевал. За эти годы он совершил

много военных подвигов, сбылась его юношеская мечта – он стал вождем. Теперь он пришел сюда, взволнованный очень тревожными событиями, ему необходимо было излить свою душу перед деревом и просить помощи у медведя-покровителя, которого он называл Братом.

Наступили тяжелые дни. Назавтра ожидали большое сражение с бледнолицыми – они наводнили прерию шумными толпами и отнимали землю у индейцев, от битвы с ними зависела судьба его родовой группы.

Индеец зажег свою трубку и, держа ее в вытянутых руках, повернулся сначала на Восток, потом на Запад, на Север и на Юг. Вот он поднял трубку вверх, к Солнцу, которое боготворил, и опустил вниз, к Земле, он называл ее Матерью. Потом он закурил и выпустил дым сначала между ветвями сосны, а затем в череп медведя. Отступив на шаг, поднял руки в умоляющем жесте и склонил голову, украшенную трепещущими орлиными перьями.

В тишине раздался его звучный голос:

О ты, великое Дерево, страж гор.

О ты, дух Медведя, мой Брат.

Вы – мои покровители.

Выслушайте меня.

Только об одном прошу вас.

сделайте меня сильным в битве.

Помогите моему ножу и топору сразить бледнолицых, когда они станут отнимать наши дома.

Дайте силу моим рукам,
чтобы они не устали сгибать лук
и пускать меткие стрелы в врага.
Помогите быть храбрым на поле битвы.
Не для себя я об этом прошу.
Не ради славы буду теперь сражаться,
но ради спасения моего народа,
моих детей и моей жены.
Бледнолицые разбрасывают индейцев,
как буран снежные хлопья.
Солнце индейцев на закате,
а Солнце бледнолицых высоко.
Как хлопья прошлогоднего снега,
мы исчезаем.
Сделайте меня сильным в битве.
Вы – мои защитники,
о мои Братья,
услышьте меня!

И старая сосна заколыхала своими ветвями, из ее густой зелени словно вырвался вздох и послышался шепот: «Му-жайся, мы с тобой».

А среди теней почудился шепот духа медведя: «Я буду рядом с тобой, я могуч в битве».

Совершив жертвоприношение, индеец поспешил вниз по склону горы в прерию, к своему народу. По пути ему показалось, что из темноты, откуда-то позади него, доносились глухие звуки шагов огромного зверя, который шел вслед за

ним. И воин сказал:

– Мой Брат медведь следует за мной.

И это придало ему храбрости, и он стал обдумывать план битвы, которая надвигалась.

Вбежав в вигвам, где собирался совет вождей, он воскликнул:

– Начнем военный танец! Быстрее делайте приготовления, и мы победим. Наши надежды очень сильны сейчас. Пусть юноши распишут себя боевой краской. Бейте в барабаны, трещите трещотками, свистите в свистки... Пусть раздается военный клич: «Мужайтесь, завтра мы победим!» – И он снова воскликнул: – Мужайся!

Это был пароль, который, ему чудилось, он услышал от медведя в горах.

Но когда на рассвете появились бледнолицые солдаты, оказалось, что они лучше вооружены, превосходили индейцев численностью и лошади их были сильнее. Своими ружьями, револьверами, саблями они сеяли смерть в индейском лагере, никого не щадя. Солдаты стреляли в женщин, несущих младенцев за спиной, иногда одной пули было достаточно, чтобы убить двоих. Они косили саблями девушек, юношей, стариков и детей, когда те пытались бежать. Убийства сопровождалась хохотом и бранью этих извергов в голубых мундирах. Теснимые бледнолицыми, индейцы в отчаянии бежали в горы, к перевалу. Солдаты, преследовавшие их, не смогли туда перевезти свои пушки, а крупные лошади

кавалеристов не в силах были подниматься по крутым склонам гор с быстротой индейских пони.

Индейцы разнуздали своих маленьких лошадей и отвели их на пастбище в безопасное место на перевале, а сами сражались пешие. Меткими стрелами они косили солдат одного за другим, потом настигали их в засаде, отнимали оружие, амуницию и продолжали сражаться в горах, повернув ружья бледнолицых против них самих.

А потом на поляне, где росла сосна, произошла решающая битва. Индейцы сомкнулись дружно вокруг священного дерева, и оно оказалось в центре битвы. И в самый разгар боя вождь все время чувствовал рядом с собой медведя, но только не того, спокойного, миролюбивого, а быстрого, ужасного, грозного. И от этого рука его становилась более твердой, с каждым ударом томагавка он набирал новую силу, и никто не мог устоять в борьбе с ним. «Как медведь», – шептались индейские воины между собой.

А грозное эхо битвы грохотало и металось между сосной и скалами, и казалось, что и дерево и скалы были тоже участниками битвы. Орлы описывали широкие круги, парили с криками над политой кровью землей.

И высоко над пороховым дымом, пылью и грохотом возвышалась сосна – величественная, спокойная и суровая, словно полководец, который наблюдает с высоты и обдумывает план сражения.

Успех перешел на сторону индейцев. Они сражались оже-

сточенно, отчаянно, мстя за гибель своих семей. Теперь у них были сабли, пистолеты, ружья, и они бились с врагом не на жизнь, а на смерть. Солдаты тоже были храбрыми, но их связывали в движениях тяжелые сапоги и узкие мундиры, и они не могли состязаться в быстроте и ловкости с обнаженными краснокожими.

Индейцы вышли победителями – предсказание вождя сбылось. И он рассказал собравшимся воинам, как помогло им могучее дерево и как дух медведя сражался ожесточенно бок о бок с ними. И каждый из оставшихся в живых индейцев принес свой дар к подножию сосны. Теперь она стала дважды священным деревом: под ее сенью произошла последняя отчаянная битва, которая принесла им победу. Череп медведя все еще висел на ветке, он был украшен, как гирляндами, затейливо вышитыми бисером поясами. Оперенные украшения, расписные щиты, военные сумки и другие ценные вещи были положены к стволу дерева или же повешены на его ветках в знак благодарности.

И этому не стоило удивляться. Уже давным-давно мудрые старцы племени черноногих предсказали, что, пока живет Дерево, и они будут жить, но, если Дерево погибнет, они будут изгнаны с Великой Равнины. И еще говорилось в предсказании, что, если черноногим суждено погибнуть раньше или же покинуть эти места, Дерево рухнет на землю. А вот теперь под его священной сенью они одержали победу.

Но сердце сосны было встревожено, и душа медведя пе-

чальна. Что будет, когда воины вернуться в свой лагерь и начнут считать убитых?

Там, среди сорванных вигвамов и дымящихся пепелищ, лежали истерзанные трупы женщин и детей. И среди них вождь разыскал свою жену и двух юных сыновей. Скорбь народа была так велика, что он не обмолвился словом о своей безвозвратной утрате, безутешном горе.

В сумерках он покинул разоренный, опустошенный лагерь и поднялся по склону горы на место битвы. Он остановился молча под сенью дерева. Тяжелые вздохи отчаяния вырвались из его груди, когда нахлынули воспоминания. Здесь он провел счастливые дни медового месяца. И образ черноокой девушки, такой нежной и застенчивой, доверчиво переступившей порог его вигвама и одарившей его счастьем, возник перед ним как живой. Он с трудом сдерживал рыдания. Овладев собой, вождь приветствовал дерево и медведя четким торжественным жестом, поблагодарив за победу.

Да, такая была победа! Он бросился ничком на ковер из опавшей хвои, посреди даров благодарности, принесенных воинами, и, уткнувшись лицом в корявый корень сосны, зарыдал. Теперь он уже не был воином, он был просто человеком.

Кругом царила смерть, и никто не увидел его горя. Лишь огромные ветви сосны ласково склонились над ним, и тень медведя появилась рядом – гризли сидел совсем неподвижно и пытался что-то сказать, но не мог – видно, от горя.

Под утро роса стекала каплями с игл сосны, и казалось, что падали тихие слезы на человека и на умолкшее поле битвы. Сюда пришла Победа. Но она затерялась на этом горном перевале и была предана Забвению.

Бледнолицые нахлынули на землю индейцев в таком бесчисленном множестве, что небольшие отряды кочевников не в силах были выдержать их натиск. Индейцев уничтожали безжалостно. Там, где бледнолицые не могли покорить справедливой войной и силой закона, они нарушали договоры, разоряли страну, подвергали людей изгнанию, спаивали индейцев, приучая их к виски. В короткое время были целиком уничтожены огромные стада бизонов, безжалостно подорван родовой строй индейцев, искоренены их обычаи, верования, их язык и искусство.

Волна переселенцев, приехавших почти со всех концов света в поисках земли, наводнила страну, как саранча, и заполонила ее. Высокомерные и жадные, они уничтожали всех, кого не могли подчинить себе, и все, что не могли использовать. Дым от лесных и степных пожаров заслонил полуденное солнце. Огромные территории страны мало чем отличались от бойни, потому что бескрайние прерии теперь были почти непроходимыми из-за ужасного зловония, распространяемого миллионами убитых бизонов. Тысячи осиротелых телят, чьи шкурки не годились охотникам-спекулянтам, умирали от голода.

Те немногие индейцы, которые выжили, стали бездомными в своей собственной стране и были загнаны в резервации. Здесь они находились под властью правительственных чиновников – агентов, которые мало что знали об индейцах и не всегда отличались честностью. Началась горькая и безнадежная борьба, в которой некоторые индейцы опозорили себя, став перебежчиками; одни с овечьей покорностью, другие с низким раболепством, в зависимости от темперамента, помогали врагу в кознях против своего народа. Всякого рода подонки, порой мало чем отличавшиеся от наемных убийц, занимались охотой на индейцев и проявляли ничем не оправданную жестокость, какая бывает у отъявленных негодяев, которым терять уже нечего. Они же вербовались на службу разведчиками и проводниками при военных отрядах колонизаторов. Изредка встречались в этой роли и порядочные люди, полюбившие суровую жизнь на индейской границе. Однако слишком много было злостных убийц, удовлетворявших свои преступные страсти, не рискуя быть вздернутыми на виселицу.

Враги убивали друг друга без разбора, с несказанной жестокостью: одни боролись за то, чтобы захватить, другие – чтобы не отдать залитую кровью землю. И люди и животные, обитавшие в прерии, измучились, потеряли доверие друг к другу и не подпускали к себе близко. И, кто знает, быть может, чувство полной безнадежности нередко толкало людей на измену.

В пограничных городках, размножавшихся как грибы, тюрьма и ночной каба́к были нередко главными зданиями; здесь, среди колонизаторов, выросло целое поколение разбойников и головорезов, которые терроризировали население, убивали и грабили, бунтовали против установленных законов и порядков⁶.

А индейцы, обездоленные и обессиленные, молчаливо наблюдали, как бледнолицые ссорились и дрались между собой из-за обладания землей, которая не принадлежала никому из них.

Цивилизация пришла на Запад, но Запад теперь одичал. «Дикий Запад», воспеваемый в песнях и прославленный на страницах романов и повестей, был в зените своей славы.

Вековечная сосна была свидетельницей всех перемен, но, казалось, оставалась безучастной. Она стояла неподвижно на перевале гор, суровая и безмолвная.

Много лет спустя после исторической битвы, теперь уже давно забытой, старый человек поднялся по тропе, которая вилась по цветущему лугу горного перевала. Человек шел очень медленно, неуверенным шагом, как ходят люди, чьи силы иссякли и жизненный путь подходит к концу. Когда он подошел к одиноко стоявшей сосне, перед которой расстила-

⁶ И теперь, когда я пишу эти строки, мало что изменилось. Разница лишь в том, что арена действия этого разбоя передвинулась дальше на Восток и что воинствующие искатели приключений измельчали. (*Примеч. авт.*)

лась там, далеко внизу, бескрайняя равнина, он сел на один из выступавших корявых ее корней и, погрузившись в раздумье, долго смотрел вдаль.

Он увидел там жилища людей, разбросанные повсюду, но только не индейские вигвамы, а деревянные дома бледнолицых, – они стояли на земле, разделенной на правильные квадраты, подобно шахматной доске. Стада бизонов, которые передвигались в былые дни по пастбищу, словно движущийся ковер, уже не оживляли больше прерию. От них остались лишь кости, сваленные в огромные кучи, целые горы костей; местами кости были выложены в высокие, широкие штабеля вдоль железной дороги, чтобы удобнее было погрузить их и отправить на удобрение. Старик хорошо это знал, потому что сам все видел.

И он сидел молча в печальном раздумье, и взгляд его был устремлен на бескрайние просторы равнины.

Охотничьи тропы былых лет теперь превратились в дороги. Сначала пришли звероловы с капканами, они излазили все и проникли в самую глушь, проложили тропы к местам, ранее считавшимся недоступными. Потом появились землепроходцы-разведчики. Надо сказать, что эти «разведчики» редко шли впереди, обычно они следовали по стопам звероловов, но это не мешало им присваивать себе честь первооткрывателей неизвестных мест, которые часто даже назывались их именами. Вслед за ними один за другим приходили топографы, геологи, миссионеры, земельные агенты, тор-

говцы виски, ковбои. И вряд ли кто из них догадывался, за исключением разве звероловов, что тропа, по которой они странствовали, целиком обязана своим существованием старой одинокой сосне, манившей усталых путников под свою тень.

Превращение звериной тропы в тропу, по которой передвигались вьючные животные, а потом в проезжую дорогу произошло быстрее, чем за двадцать лет. Все эти люди, искатели приключений и наживы, проходя мимо старой сосны, уносили с собой – сколько хватало сил – оружие, одежду и украшения индейцев, по непонятным для них причинам громоздившиеся кучами у подножия сосны.

Миссионеры запретили индейцам поклоняться деревьям и Солнцу, верить, что у животных есть душа; они проповедовали христианскую мораль, однако не упускали случая использовать свое влияние на индейцев, чтобы поддержать грабительскую политику пришельцев.

Череп медведя, вопреки всему, продолжал висеть на ветке сосны. Была ли это случайность? Вряд ли кто знал теперь, в чем его таинственная сила. Он никому не был нужен, тем более что живого медведя в те времена еще можно было подстрелить. А форель в горном ручье уже давно исчезла – лес на его берегу погиб от пожара, и ручей почти пересох. Орлы были либо убиты, либо давным-давно улетели – их гнездо растерзано по частям снежными буранами, бушевавшими здесь много зим.

После первого проникновения смельчаков, искателей приключений, в прерии Америки двинулись массами рядовые представители так называемого «прогресса». Они ничего не щадили. Когорта «цивилизации» того периода – пестрая толпа, мучимая неутолимим земельным голодом, дерзкая и жадная, – наводнила страну и захватила ее в свои руки. Для них не было ничего святого, они ничего не замечали, кроме земли и золота; большинство из них ненавидели первобытную природу и ее исконных обитателей и считали своим долгом как можно скорее уничтожить индейцев, чтобы распахать прерию и приготовить место для великого бога – пшеницы, – того бога, который впоследствии, подобно легендарной истории с Мидасом⁷, задушил их и заставил голодать.

Даже старый мудрый человек, который сидел под сосной, безмолвной свидетельницей всех этих быстрых и бурных перемен, не мог предвидеть, что придет день, и наступит голод в стране, где закрома ломились от избытка пшеницы, а люди продолжали упрямо сеять пшеницу, и только пшеницу, потому что так было положено. Они хвастались небывалыми урожаями, когда зерно уже негде было хранить и оно не использовалось. Старый человек не понимал, как жадность и бесхозяйственность могли превратить некогда плодород-

⁷ Сравнение взято из греческой мифологии. Царь Фригии Мидас попросил Диониса – бога вина и веселья, чтобы все, к чему бы он ни прикоснулся, превращалось в золото. Но когда даже еда превратилась в золото, Мидас попросил Диониса освободить его от этих щедрот. (*Примеч. перев.*)

ную, цветущую прерию в пыльную пустыню, где даже кактус и гремучая змея погибли.

Старый человек пристально вглядывался в даль – там простиралась его родная земля, теперь для него запретная, ему отказавшая в гостеприимстве: он был индейцем.

Одетый в заплатажные мешковатые брюки и куртку, которая была слишком мала для него, в каких-то не поддающихся описанию стоптанных ботинках и в шляпе с обвисшими широкими полями – через порванную тулью ее торчал пучок седых волос, – этот человек, бывший вождь, стал бездомным оборванцем. Он просил хлеба у тех, кто отнял у него все, и ходил в их обносках. У него не было ни белья, ни носков. На шее у старика висел грошовый образок с изображением какого-то святого.

Под тяжестью горя старый индеец согнулся, и вид у него был жалкий. Только в выражении лица, озаренного умными глазами, сохранилось чувство достоинства. Если бы не его вдумчивый, пронизательный взгляд, наверное, волновавший и покорявший людей в минувшие годы, можно было подумать, что черты смуглого лица окаменели в состоянии невозмутимого покоя, с которым могла соперничать лишь суровая неподвижность вечных гор. Машинально прикоснувшись к образку, висевшему у него на шее, он вдруг пришел в себя и взглянул на него. Резким движением он разорвал шнурок и отшвырнул образок. Образок, ударившись о скалу, издал дребезжащий звук, до смешного ничтожный

среди величия окружающей природы.

Индеец поднялся на ноги, пошатнулся, в глазах его вспыхнул гнев, и испещренное морщинами лицо стало удивительно суровым. С жестом отвращения он сбросил уродливую обувь, сорвал с себя нищенскую куртку и отшвырнул шляпу. И вот он стоял, обнаженный до пояса, приняв величественную осанку дикаря: следы былой мужественной красоты ожили в нем. Он погладил ствол сосны в том самом месте, где была старая рана и еще другой шрам – они почти заросли корой.

Неуверенной походкой индеец сделал несколько шагов и нащупал череп медведя. Кожаный ремешок, которым он когда-то скрепил челюсти, давно сгнил, и нижняя челюсть упала на землю. Опершись устало на череп, он поднял вверх свою убеленную сединой голову, поседевшую за долгие девяносто лет, и, глядя в густую зелень переплетающихся веток – словно высокий свод храма изогнулся над его головой, – начал говорить:

О Сосна, моя заступница,
ты и я прожили долгую жизнь,
каждый, как ему предопределено.
Слишком долго мы прожили.
Слишком долго.
Прошлое ушло и лежит у наших ног,
как старая ненужная одежда.
Пусть оно и лежит там.

Если мы попробуем его поднять,
оно распадётся на куски,
и мы потеряем его навеки.

Из тех, кто знал это великое прошлое,
остались только мы с тобой.

Только ты и я храним его в своей памяти.

Уже недолго осталось нам нести это бремя
воспоминаний,

такая большая тяжесть легла только на нас двоих.

Наш народ погиб, а бледнолицые захватили все.

Теперь наша работа пришла к концу. Моя и твоя.

Не успеет зима запорошить твои ветви снегом

и злые птицы-метели с воем пронестись

на Белых крыльях по лесу,

я встречу ту, кто была матерью моих сыновей.

Я увижу моего Брата Медведя —

его дух сражался рядом со мной

здесь, на этом месте.

Скоро и ты придёшь вслед за нами.

Индейцев уже нет, и тебя скоро не будет.

Мудрые люди далекого прошлого,

которые знали тебя ещё молодой, сказали это.

Все должно произойти, как они говорили, —

предсказание должно сбыться.

И когда ты придёшь к нам – в Великое Неизвестное, —

мы ещё раз посидим в тени твоих ветвей

и, отдыхая, поговорим о прошлом.

И огромный Медведь – мой Брат – будет с нами,

и он все услышит.

Все это долгое время мы были друзьями – ты, и я, и он.
Великий дух добрый, и он не разлучит нас.
Ни один человек, как бы умен он ни был,
не смеет сказать, что только он один будет жить
в царстве будущего.
А до той поры храни свою силу,
о мой друг долгих, долгих лет.
О Сосна, о великий Медведь – мои заступники,
услышьте меня...

И индеец замолк. Он пошарил в своем кармане и вынул оттуда щепотку табаку и очень осторожно вложил в череп медведя. Это было жертвоприношение. Потом старый вождь сел и прислонился к сосне – она поддерживала его, но не могла вдохнуть в него жизнь. Он сидел совсем тихо, не сводя глаз с Великой Равнины, и прислушивался к голосу дерева, который раздавался с высоты, когда ветер играл среди ветвей. Это был тихий протяжный напев чарующей красоты.

И вот, когда старый индеец сидел так тихо и спокойно, прерия словно заволокла дымкой, пока совсем не исчезла с глаз. И голос сосны умолк...

Жизнь покинула старого-старого индейца...

Двести лет назад на этом самом месте она ушла от медведя-гризли.

И сосна знала, что самый последний из ее друзей умер и что теперь настал ее черед. Так было суждено. Все, кто любил ее, должны были умереть, пока она жива.

В ту ночь нагрянула с гор гроза. Одинокая сосна, терзаемая бурей, стонала и раскачивалась из стороны в сторону. На ослепительном, освещенном вспышками молний небе отчетливо выделялся ее темный силуэт, и казалось, что она мучительно корчилась в предсмертной агонии.

На следующий день несколько всадников, проезжая мимо, увидели безжизненное тело индейца. Они зарыли его в неглубокой могиле у самой дороги. Один из них с чувством озорства сорвал привязанный к ветке череп медведя и бросил его в ручей, где плавали банки из-под томатов и другие отбросы.

Прошло немного времени, и было решено проложить здесь широкую проезжую дорогу. Приехали инженеры – энергичные деловые люди, хорошо овладевшие своей профессией. Они видели красоту в прямых линиях и жестких очертаниях и не без удовольствия наблюдали, как разрушались первобытные силы, которые свободно действовали в природе еще за полмиллиона лет до появления человека. Их увлекала задача преобразовать природу и приспособить ее к себе. Сосна – старый часовой на перевале Скалистых гор – мешала их работе, и они решили ее срубить.

И дерево, которое прожило такую долгую жизнь, терпеливо ждало своей гибели. Раздался первый удар топора. Сосна продолжала стоять во всем своем величии и благородстве до самого последнего удара – и тогда пошатнулась... и начала свой последний путь к земле. Со стоном и рыдающим скри-

пом – так разрывались все ее волокна – могучая сосна, склонив вершину, стремительно падала на поляну, где зрели ягоды и цвели дикие цветы. Она распростерлась на перевале.

Предсказание мудрых людей племени черноногих сбылось: сосна погибла после того, как погиб их народ.

Горы наблюдали все это с каменным спокойствием. Они знали, что деревья умирают и люди тоже, но что сами они будут жить вечно.

В тот момент, когда раздался последний удар топора и жизнь навсегда покинула дерево, на горном перевале, по преданию, появилась фигура обнаженного индейца с развевающимися орлиными перьями на голове и за спиной. Он появился на одно лишь мгновение и тотчас исчез.

А рядом с ним был огромный медведь-гризли.

Автомобиль – великолепное творение современной техники с полным комплектом более или менее нужных приспособлений, спроектированных с хитроумной выдумкой и расчетом, чтобы все изобретенное ранее померкло перед ним, – мчался по новой дороге, проложенной через горы. В машине сидели два пассажира. У водителя были красивые тонкие руки и спокойный, вдумчивый взгляд человека, который привык наблюдать. Спутник его казался человеком грузным, с большими мешками под глазами, отвисшей челюстью и толстыми губами; пальцы его были унизаны перстнями, в углу рта торчала сигара.

Автомобиль поднялся на перевал Скалистых гор; отту-

да, если оглянуться назад, открывался чудесный вид на возделанные поля прерии, расстилавшиеся внизу. Молодой человек остановил машину и с нескрываемым восторгом воскликнул:

– Черт побери! Взгляните-ка на эти горы! Это же великолепно, не правда ли?

Спутник, окинув взглядом уходящие в поднебесье горы, сказал:

– Не могу использовать их в своем предприятии. – И, пожевывая сигару, добавил: – По-моему, это убогая природа.

У самой дороги возвышался огромный пень недавно срубленной сосны. Толстяк вынул изо рта сигару и сплюнул лихо, нацелившись в пень.

Потом автомобиль продолжал свой путь.

Рыжеватая белка промчалась через дорогу с сосновой шишкой в зубах, бросила ее где-то на горной поляне и сейчас же забыла о ней.

Прощание



Я перебирался через черные болота Абитиби, бродил по обманчивым заболоченным ее местам: голодал в суровой пустыне неисследованного Севера; прорубал себе тропу сквозь непроходимые кедровые заросли в далекой Темискаuate; и как-то раз я провел лето на вершине горы Всадник, в прекрасном ее оазисе, она красовалась своими тополевыми лесами, усыпанными мириадами цветов склонами и казалась изумрудным островом на фоне знойной, засеянной пшеницей Манитобы. А теперь я живу среди озер и бескрайних хвойных лесов Северного Сэскачевана.

Каждое из этих мест привлекает и манит к себе, словно волшебной силой, как, впрочем, и любой уголок неисхоженной и ненаселенной земли. Но где бы я ни был, мне везде недостает сурового романтического великолепия Северного Онтарио, с его дерзким нагромождением гор, бесчисленными глубокими озерами и быстрыми реками. И хотя я получаю большое удовлетворение от моей теперешней работы, которая накладывает на меня все больше и больше ответственности и обязательств, хотя круг моих интересов стано-

вится все шире и шире, – несмотря на все это, томительные воспоминания о прошлом не покидают меня. Это воспоминания о давно минувших беззаботных днях молодости, когда я бродил легко и свободно по диким гористым местам Онтарио, не обременяя себя ношей, – все мои вещи помещались в моем любимом быстроходном каноэ, а в зимнюю пору в тесной хижине, наскоро выстроенной на берегу замерзшего или же готового замерзнуть озера.

В то время я не написал ни одной строки и не думал, что буду писать. Но даже тогда, в те далекие дни, я понимал, что Дикая Природа изменится, исчезнет, что это ее последнее сопротивление и мы – последние в своем роде. Часто, когда я оставался один, мне хотелось запечатлеть ее совсем такой, какой она была, пока это еще не поздно.

Однажды, когда я сидел на вершине высокого холма, недалеко от волока Вэшегаминг, и любовался бирюзовым озером, инкрустированным, словно драгоценный камень, в темную зелень леса, это желание овладело мной с непреодолимой силой. Вдали ревел и пенился огромный водопад, ниспадающий каскадами с западного склона гор, где гигантские сосны, ветераны последней армии Дикой Природы, выстроились стройными рядами. Кругом была тишина, невозмутимая тишина; все было покрыто дымкой мерцающего тумана. Казалось, какой-то волшебник убаюкивает эту мирную природу, и она погружается в сон. Очертания волнообразных далеких холмов становились мягче, чудилось, что они покры-

ты темно-зеленым ковром, и кое-где на нем, словно выплеснутая ртуть, блестели озера.

У подножия горы на песчаном берегу я отчетливо видел ладьи моих товарищей. Я долго не мог оторвать глаз от реки, неистово мчавшейся, устремляясь все дальше и дальше вперед, в полном неведении, что ее ждет, навстречу своей судьбе, вперед, к могиле всех исчезнувших рек – к Океану. Бурная и неукротимая Весной, усталая и ленивая Осенью, она уходит навсегда, все дальше и дальше, к Забвению.

Я старался проникнуть в тайну реки и задавал себе вопрос: когда она попадет в Океан и поймет, что ей уже не вернуться обратно, будет ли она тосковать по горам и скучать по деревьям, будет ли грустить о веселых, беззаботных днях, которые она провела в тихих краях?..

Но я замечтался. Мои товарищи – наша флотилия – ждут-поджидают меня.

– По-ра-а, по-ра-а отчаливать, – раздаются голоса с берега.

Я стал спускаться вниз. Мы отправлялись в трудный далекий путь, мои товарищи полагались на меня, нельзя было их подводить; заслужить уважение у этих бесстрашных, отчаянных молодцов было равносильно награде за боевую доблесть. И хотя впоследствии мне удалось прославиться на поприще другого, более полезного труда, никогда я не испытывал большего удовлетворения и радости, чем в ту счастливую минуту, когда мне случайно удалось услышать несколь-

ко слов, не имевших прямого отношения ко мне (но тем не менее я их не должен был слышать): «Во всей стране не найти такого отважного гребца». Мне лично они никогда этого не говорили.

Хвастовство ли это? Быть может, и так. Но знаете ли вы жгучую радость честолюбия, неукротимую гордость профессионального каноэмена и лыжника? Это, вероятно, единственное из достижений всей моей жизни, чем я горжусь. Прошло много тяжелых трудовых лет, много тяжелых битв было выиграно с неистовой Миссиссаугой и другими далекими реками – и я должен был доказать еще и еще раз свое искусство, силу и выносливость, прежде чем заслужить похвалу, которую я случайно услышал за своей спиной. Итак, я сразу забыл о желании записать свои мысли и вернулся к своей первой любви – каноэ. Лишь много лет спустя я стал писать.

Я был кочевником когда-то, весло, багор и лыжи всегда были у меня под рукой, а теперь я держу в руке перо. Вместо ласкового журчания воды за бортом моего каноэ или же волнующей симфонии снежной бури я слышу раздражающий прерывистый треск моей пишущей машинки, мне становится досадно, что без нее я теперь не могу обойтись. Вместо веселых песен наших удалых гребцов, разносящихся по реке, я слышу по радио унылые голоса расслабленных женоподобных мужчин, которые все жалуется и жалуется на неразделенную любовь. Собственные мелкие горести и неудачи

– основная тема их песен, в полной беспомощности они сетуют на свою судьбу. Своей дешевой сентиментальностью и вульгарной музыкой они оскорбляют самое высокое и благородное чувство – любовь.

Как-то раз я читал очень тяжелую невыдуманную историю о том, как кучка финансистов, собравшись словно стая волков, сломила и разорила своего собрата, поставив в безвыходное положение его семью – жену и детей – только потому, что их товарищ и собрат оказался недостаточно предприимчивым и ловким, чтобы соперничать с ними. А потом я читал об одном талантливом мальчишке-артисте, чьи родственники слетелись, как стая стервятников, чтобы поживиться его богатством, словно это был подбитый зверь.

И когда я сижу на ступеньках у дверей своей хижины, размышляя над всем этим, вдруг какая-то нотка в песне птички, падающий лист, едва уловимая далекая мелодия или мимолетный аромат вызывают в памяти очарование родных мест. И я брожу мысленно по лабиринтам памяти. Вот воспоминания нахлынули на меня с непреодолимой силой, и я снова тоскую по звериным тропам и прислушиваюсь к ритму скользящих лыж, напрасно всматриваюсь в даль, весь в ожидании увидеть легкое каноэ, появляющееся из-за уступа берега; я снова слышу запах дыма давно погасших костров, вижу лица, тени людей, которых давно уже нет, ко мне доносятся звуки навсегда умолкших голосов. Знакомые руки, грубые, сильные и добрые, с мозолями, натертыми веслами,

чудится, тянутся ко мне из прошлого. Кучка маленьких доверчивых созданий с живыми глазками, любознательные и трогательные, крошечные обитатели лесных просторов, пробираются, шелестя сухими листьями, и приветствуют меня, когда я бреду по аллеям Времени в далекое Прошлое. Невидимая армия выстроилась колоннами и марширует со мной – теперь уже не назад, но вперед, к Реке дикой, романтической, загадочной, – реке Миссиссауге. Только немногие добились – своим искусством, выносливостью и отвагой – небольших побед над ее грохочущими, ревущими водопадами; другие же вынуждены были признать непобедимость Реки, а себя покоренными.

Ведь это не рядовая река, но королева среди рек, или, пожалуй, ее лучше сравнить с воинственным восточным владыкой, который посылает свои дикие орды, и те наводняют целые материки. Вот так ведет себя Миссиссауга – Великий Водопад Индейцев. В неистовстве она прокладывает свой путь меж скалистых берегов, двести миль несетя сквозь леса, собирая дань с бесчисленных притоков на территории четырех тысяч квадратных миль; непокорная, дерзкая, неумолимая, она царит над всей этой землей; и человек может плыть много дней в каноэ, перебираться через волоки, странствовать по запутанной, сложной сети ручьев и озер, бродить по лесам и любоваться все новыми и новыми картинами природы, не выходя за пределы владений могучей Миссиссауги. И нет человека на земле, кто знает о ней

все. И я думаю, что есть ямы и омуты, водовороты, пороги, перекаты, пруды и озера, ручьи, которых никто не видел, даже индейцы; и что в девственных лесах, протянувшихся на сотни, сотни миль, не найдешь следа человека.

У Реки есть свои настроения, как у каждого живого существа. И какая она неожиданная и разная на всем своем протяжении! Местами темный, угрюмый поток, могучий и глубокий, несется быстро и спокойно между зловещими обрывистыми берегами; прорвется через мрачное ущелье в горах, потом, вырвавшись на свободу, вдруг заревет, станет яростным могучим потоком и бьется в неистовстве о свои берега; но вот он уже превратился в стайку маленьких лепечущих волн и играет на камешках отмели.

Как часто Река течет в задумчивости, и кажется, будто она напевает песенку или же бормочет что-то неясное, словно во сне; течет все спокойнее и спокойнее, пока не превратится в живописное озеро с глубокими заливами и заливчиками, с дерзко вырисованными скалистыми мысами, поросшими соснами.

Есть быстрины между этими озерами – игривые, но спокойные. Но когда Река попадает в ущелье, в тиски высоких скалистых берегов, она прыгает неистово через валуны и скалы со страшной разрушительной силой и быстротой, это настоящие пороги «белая вода». Река бросает вызов гребцам, и тогда робкие (или, может быть, разумные) предпочитают обойти ее волоком; только испытанные путе-

шественники и бесстрашные гребцы принимают вызов могучей Миссиссауги, ставя на карту свою жизнь. Некоторые из этих порогов – бурные, коварные, трудные и опасные – занимают небольшое пространство. Другие же, поспокойнее, тянутся милью, а то и три. Но самые знаменитые пороги вытянулись на расстояние двадцати миль – водопад за водопадом, стремнина за стремниной, и только кое-где они прерываются небольшими озерами, словно для передышки. Двадцать миль захватывающей дыхание скорости, оглушительного шума и волнующей опасности – таковы знаменитые пороги «ДВАДЦАТЬ МИЛЬ».

Есть такие пороги, которые ни один человек не может преодолеть, каким бы искусным спортсменом он ни был. То здесь, то там по течению Реки встречаются громыхающие водопады, которые низвергаются с отвесной скалы в пенящийся пруд (где иногда можно поймать крупную рыбу).

Вдоль берегов шумит дремучий лес. На сотни миль тянется он сплошным зеленым массивом на Восток и на Запад, к Верхнему озеру. Там встречаются все виды деревьев, характерные для этой зоны, и панорамы – одна другой прекраснее – предстают вдоль берегов. Вы увидите целые леса тополей, полюбуетесь их светлыми стволами и беспокойной трепещущей листвой, легко скользящими тенями; вы увидите густые смешанные чащи ивы, ясеня и ольхи; яркую зелень березы и клена; фиолетовые луга с сочной травой; старый сосновый бор, погруженный в мрачную задумчивость.

Местами огромные гранитные скалы громоздятся на берегу, и Киуэйдин – самая старая гора – возвышается над Рекой; карликовые искривленные деревца цепляются, спасая свою жизнь, за уступы. Странные изображения высечены давным-давно дождем и снегом на отвесных скалах: одни из них сидят, другие стоят, третьи наклонились вперед из своих альковов, все застыли в неподвижности, и все смотрят и смотрят на быстрое бесконечное движение Реки с какой-то саркастической улыбкой. И наконец, словно утомленные спектаклем, у которого нет конца, горы поворачиваются круто и уходят в глубь страны, образуя массивную стену, как будто сторожевой вал.

Сбившись в кучу на небе, здесь собираются в бесчисленном количестве тяжелые облака и грозовые тучи. Они висят зловеще над горным хребтом вдоль бурлящей и рокочущей Миссиссауги.

А позади Реки, далеко-далеко, где не слышно ни ее рокота, ни шума, лежит «Страна, где никогда ничего не случается», где Вечная Тишина отмечается делением в тысячу лет, движением колоссального маятника Времени.

Река, хранящая тайны, ты и я знали отважных гребцов. Они были отважные ребята, выносливые и исполнительные; их богом была СКОРОСТЬ, их девизом: «Доберись туда, во что бы то ни стало доберись».

Река, величественная и непокорная, дочь Дикой Природы, наверное, до сих пор тебя навещают призраки прошлого.

Вот они ритмически сгибаются и отбрасываются назад, сидя на веслах в каноэ; под бременем невидимой ноши, они прокладывают бесшумно свои тропы по волоку среди теней соснового бора; в быстрых каноэ-невидимках они несутся вниз по бурлящим, клокочущим волнам с пронзительными возгласами и криками, которые никогда не долетят до слуха человека.

Мне чудится, что я вижу эти скользящие тени, а на волках я ловлю напряженным слухом шорох забытых шагов, словно шорох во сне, уже почти стертый в памяти, но все еще не совсем забытый.

Зазвенела песня белогрудой славки в густой зелени деревьев, высоко надо мной. Мне кажется, я слышу рев Реки, ее бесконечный шумный церемониальный марш; в отдаленном шуме водопадов мне чудится разговор мертвых.

Жалобная мелодичная песенка маленькой птички оборвала тишину; мелодия, полная грусти, бесконечно прекрасная, она зазвучала как прощальная песнь погибшим товарищам. Она лилась и лилась где-то надо мной, а потом все дальше и дальше... Все тише и тише...

Одинокий лось



Эрнест Сетон-Томпсон высказал предположение, что животное может сразу понять, дружелюбны или враждебны намерения человека по отношению к нему. Мои наблюдения над обитателями наших лесов в основном привели меня к тому же выводу, хотя должен сказать, что далеко не во всех случаях животное способно быстро разобраться в нашем поведении. Наши четвероногие братья вряд ли смогут точно определить цель, преследуемую человеком, однако они наделены от природы своеобразной интуицией, которая, без сомнения, позволяет им почуять отношение человека к ним, и, в зависимости от этого, они становятся либо настороженно-беспокойными, либо безразличными. Но нельзя утверждать, что звери обладают безошибочным чутьем, они довольно часто ошибаются: инстинкт самосохранения иногда заставляет их быть излишне осторожными.

С давних пор у индейцев и вообще у охотников существует неписанный закон, не позволяющий при приближении к опасному дикому зверю – предполагаемой добыче – слишком упорно смотреть на него или же думать сосредоточенно,

что он должен быть убит: зверь может угадать намерения человека, и исход охоты будет печальным.

В тех краях, где звери редко встречаются с человеком, он представляет для них лишь предмет любопытства. При таких случайных и неожиданных встречах дикие звери (большинство из видов) остановятся на месте и будут смотреть на него с удивлением. От человека будет зависеть, сочтут ли его обитатели диких мест за доброго соседа или за врага. Пройдет, быть может, лишь немного времени после того, как человек поселился в лесной глуши, как несколько его дерзких поступков навсегда восстаноят против него четвероногих и пернатых обитателей. И наоборот, если человек проявит терпимость или даже открытую доброжелательность, очень скоро он вызовет интерес лесного народа, и кое-кто из них после нескольких несмелых шагов станет часто навещать это странное двуногое существо, такое не похожее ни на кого из них, которое поселилось у них в лесу и живет себе и живет, и никому не мешает.

Из фауны, которая населяла материк Северной Америки в доисторические времена, только лось, бобер и бизон сохранились до наших дней. Только они, по-видимому, были в состоянии приспособиться к коренным изменениям в климате, которые привели к вымиранию таких могучих представителей животного мира, как динозавр и слон. Мне никогда не приходилось иметь дело с бизоном, если не считать, что по какому-то знаменательному случаю меня угощали вяленным

бизоньим мясом пятидесятилетней давности. Тем не менее у меня есть основания предполагать, что животные, наделенные стадным инстинктом, такие как бизоны, обладают менее развитыми умственными способностями, чем те, которые живут семьями или в одиночку. Мне кажется, что бобры и лоси обладают какими-то крупными мудрости, которые они унаследовали от своих далеких предков. Мы невольно ждем от бобра чего-то не совсем обычного, потому что его образ жизни требует необыкновенного напряжения умственных и физических сил. Но от лося, как правило, мы не ждем ничего особенного, хотя отдаем ему должное за тонкое обоняние, чуткий слух и за своеобразную хитрость, выработанную в борьбе за существование. Однако не так давно мне пришлось познакомиться с лосем, который, по моему глубокому убеждению, и я это утверждаю вопреки предвзятому мнению, был настолько одарен, что делал свои собственные умозаключения. Лось представлялся мне животным-тугодумом, пока я не познакомился с восьмилетним бычком, который время от времени на протяжении пяти лет навещал меня. Я убедился, как и многие мои друзья, наблюдавшие его, что он может размышлять и в такие минуты поднимается над своей обычной инстинктивной, почти автоматической реакцией.

Сейчас, когда я пишу эти строки, он лежит, спокойно вытянувшись, около моего каноэ и жует свою жвачку, время от времени издавая какой-то гортанный звук, выражающий

удовольствие. Ладья, возле которой он примостился, немного защищает его от восточного ветра. Если бы он расположился позади хижины, как он делал это в прошлом году, то был бы лучше защищен от ветра. Однако теперешнее пристанище его находится на более открытом месте, и он может охватить глазом все, что происходит вокруг, включая и мои несложные дела, к которым он проявляет нескрываемый интерес. Белки и сойки, завсегдатаи здешних мест, поглядывают на него с любопытством и с некоторым недовольством; лось же никак не реагирует на их суетливую возню.

Впервые поселившись здесь, я скоро узнал, что в этих местах живет лось, и довольно часто мельком видел его; но я не делал никаких попыток завязать с ним знакомство, а, наоборот, избегал его.

Тем летом мне пришлось срубить на участке несколько тополей, чтобы было больше света для моей фотографической работы. Я заметил, что лось стал украдкой приходить по ночам и объедать листья на сваленных деревьях. Эти посещения открытой столовой продолжались около двух недель, пока на ветках оставались листья. Все это время я регулярно немного поодаль присутствовал при кормежках своего гостя. С тех пор я стал замечать, что лось иногда проходил совсем близко около моей хижины. А бывало, остановится в укрытии и долго смотрит на мое жилье. Постоянно наблюдая за строительными работами бобров, я часто видел, как лось бродил по вершине близлежащего холма. Он даже от-

важивался выходить за кромку леса, обрамлявшего маленькие просеки, и, стоя совсем неподвижно, словно сам был деревом, наблюдал, как я рубил лес. Я не прерывал своей работы и притворялся, будто совсем не замечаю его. Движения бобров особенно привлекали внимание лося, это было ясно. В конце концов как-то вечером он смело спустился вниз и стал смотреть на бобров, остановившись на небольшом расстоянии от озера. А бобры быстро собрались все вместе и приветствовали его залпом дружно шлепающих по воде хвостов. Все это ничуть не испугало лося, и он подошел еще ближе – посмотреть, что же там происходит.

Лось весит около полутонны, и на небольшом бобровом участке такой гость мог наделать немало бед. Немного обеспокоенный таким неожиданным вниманием, я вышел из хижины – до сих пор я все наблюдал из окна. Без малейшего колебания лось повернулся и умчался на вершину холма, а я стал тихонько звать бобров, стараясь успокоить их. Теперь произошло самое интересное: едва успели прозвучать первые звуки моего голоса, как лось замедлил свой бег, потом пошел шагом и остановился. Я продолжал успокаивать бобров, и лось потихоньку стал возвращаться. Он проделал почти весь обратный путь и стал пастись в близлежащей роще, где росла ольха. Трудно поверить, но ласковые слова и тон, которым я обычно успокаивал бобров, казалось, произвели такое же умиротворяющее действие и на лося. Потом, видимо встревоженный моими быстрыми движениями, лось сно-

ва убежал, но только не так далеко, как перед этим. И снова те же звуки успокоили его, он стал пощипывать траву на том месте, где остановился. Он пасся там больше часа, расхаживая вокруг, и не проявлял никакого беспокойства. Потом вдруг сорвался и убежал. Я впервые наблюдал такое поведение дикого животного, с которым у меня было, как говорится, лишь шапочное знакомство. Все это показалось мне почти чудом. Вряд ли можно найти всему этому другое объяснение, чем то, что лось сам, своим умом разобрался в ситуации. Моя роль в этом деле была ничтожной, лось сам решил, как поступить, и соответственно действовал. И все-таки я еще долго ломал голову, не решаясь сделать окончательных выводов. Я проверял снова и снова ответную реакцию этого удивительно милого и деликатного животного, теперь моего частого гостя. Результат был неизменно одним и тем же: лось убегал, когда пугался моего неожиданного появления, затем очень легко возвращался на мой зов. И каждый раз, когда это повторялось, я получал все новые и новые доказательства того, чему я все еще не решался окончательно поверить: без малейшей попытки с моей стороны приручить лося и вообще без всякого поползновения как-либо повлиять на его поведение это поразительное и загадочное создание, дикое и свободное, и ничем мне не обязанное, отзывалось на звук моего голоса и покорялось моей воле. К счастью, это чудо происходило не один раз и на глазах у целого ряда людей, иначе я, пожалуй, не решился бы написать об этом,

и мой особый взгляд на психологию поведения лося остался бы никому не известным.

Многим из тех, на чью долю не выпало счастье наблюдать поведение диких зверей на воле, может быть, покажется, что я преувеличиваю, считая поведение лося в этом случае из ряда вон выходящим. Но, как мне кажется, те, кто охотился на лося или жил в местах, где он водится, согласятся с моей точкой зрения. Много невероятных рассказов было придумано относительно мудрости лося и других животных, многие такие рассказы даже появляются в печати; а потому записи точных наблюдений могут показаться неинтересными и скучными, но именно они в конце концов и выводят на чистую воду авторов увлекательных охотничьих рассказов, обладающих неудержимым полетом фантазии.

Я почти не сомневаюсь, что лось с самого начала правильно понял мое отношение к нему. Очень вероятно, что еще задолго до того, как я его заметил, он внимательно наблюдал за всем, что происходило вокруг, и напряженно прислушивался к звукам, которые доносились с нашего участка. Он, должно быть, привык к звукам моего голоса и сделал свои собственные выводы относительно моей настороженности; без каких-либо стараний и приманок с моей стороны лось сам определил мою доброжелательность, которая обещала ему безопасность.

Большинство животных наделено характерными признаками, которые позволяют родичам узнавать их издали. У

бобров, мускусных крыс, дикобразов, а также у птиц это различие сказывается в голосах. Некоторые животные выделяются своей характерной окраской – какими-нибудь пятнами или полосами, резко контрастирующими с основным тоном шкуры: у американского лося белые задние ноги, у европейского оранжевый круп, у виргинского оленя хвост словно белый платочек, а у скунса белые полосы на темной шкуре. И я тоже, приспособляясь к условиям первобытной природы, придумал для себя отличительный признак: я выдумал слово, которое произносил в одной и той же интонации, на определенной высоте звука. И меня стали узнавать все дикие обитатели наших мест. Вначале у меня это получилось как-то невзначай, произвольно и постепенно перешло в привычку. Повторяя свой клич автоматически, по сложившейся привычке, я не задумывался над тем, какую магическую силу он имел, пока не обнаружил его зачаровывающего действия на такого удивительно стремительного и осторожного зверя, как американский лось. Стоило мне появиться неожиданно или же внезапно раздаться какому-то необычному звуку, все звери, будь то белки, мускусные крысы, бобры или же лось, моментально останавливались и застывали в порыве движения, словно каменные изваяния разных очертаний и размеров. И стоило мне произнести хорошо знакомое им слово – пусть эти звуки были чужды зверям от природы, – все они, как один, оживали и продолжали прерванную работу.

Прошлым летом и осенью лось провел много времени на

территории нашего лагеря. Он бродил спокойно между всяческими моими приспособлениями и оборудованием, кучами дров, палаткой, где был мой склад, лодкой и т. д. Иногда он останавливался у дверей хижины и стоял так долго, что некоторые из моих гостей не без основания опасались, что он переступит порог и войдет в хижину. Я и сам не знал, что придет на ум этому предприимчивому зверю. Однажды он забрался всеми четырьмя ногами в мое маленькое каное – неудивительно, что от него остались одни щепки. Каное – это легкая ладья, сделанная из березовой коры и холста, а американский лось весит около полутонны. Один раз, когда лось остановился в каком-то тяжелом раздумье у дверей моей хижины, мне пришлось прогнать его, так как он стоял поперек дороги у бобров, которые забежали в хижину и убежали из нее, таская свой строительный материал. В то время бобры уже перестали бояться огромного зверя, но, вероятно, так же как и я, не чувствовали себя вполне уверенными в его присутствии – никто не знал, что ему вздумается сделать, а потому и опасались проходить мимо него.

У всех животных есть свои особые страхи. Я имею в виду не только страхи, свойственные отдельному виду, но и каждому животному в отдельности. Что касается моего лося, то его всегда пугало, когда кто-нибудь проходил между ним и моим освещенным окном – внезапно колеблющаяся тень падала на него. Он сейчас же бросался бежать, и, хотя неизменно возвращался по зову, при повторении такого оскорб-

ления он снова бежал со всех ног. Так эта реакция и осталась у него.

До тех пор пока бобры не привыкли к лосю и пока его присутствие не стало обычным, они непременно предупреждали меня о нашествии, неистово хлопая хвостами по воде. Но потом, мне кажется, они стали смотреть на него как на своего рода неизбежное зло, которое надо терпеть, хотя оно и неприятно. И лось стал самым обыкновенным явлением, бобры уже не реагировали на его присутствие и перестали бить тревогу. Но случилось всякое. Что бы вы подумали, если, выходя из хижины в ночную пору, вы чуть не упали бы, как это было со мной, потому что споткнулись об огромного зверя, величиной с лошадь. Не правда ли, это может испугать насмерть даже самого храброго человека?!

Пока погода была теплая, лось любил стоять в воде у берега озера. Это было очень занятно для молодых бобряток, они весело плавали вокруг него и от радости громко шлепали хвостами по воде. Лось же, казалось, оставался безучастным ко всему и стоял, не двигаясь с места.

Наблюдая поведение этого своеобразного зверя, я иногда задумывался, не тосковал ли он в одиночестве? Быть может, он стал завсегдатаем нашего лагеря, потому что ему было интересно у нас и наше гостеприимство сулило ему безопасность? Все животные любят развлечения, они становятся возбужденными и игривыми, когда в однообразие повседневной жизни врывается что-то необыкновенное, и, по-ви-

димому, получают очень большое удовольствие от созерцания этого нового, диковинного. Но только одно главное условие должно быть соблюдено: они должны убедиться сначала, что им не грозит опасность. Я уже давно придерживаюсь теории, что наши низшие братья наделены от природы стремлением общаться друг с другом вопреки признанной теории, утверждающей, что в некоторых случаях звери становятся настолько необщительными и ярыми, что делаются опасными для своего собственного вида.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.